

**БУРМАТОВ В.
ГЛАЗУНОВ О.**

СОВРЕМЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

**СТРАТЕГИЯ, ТЕХНОЛОГИЯ И ТАКТИКА
«ЦВЕТНЫХ» РЕВОЛЮЦИЙ**

**Владимир Владимирович Бурматов
Олег Николаевич Глазунов**

**Современные революционные
технологии. Стратегия, технология
и тактика «цветных» революций**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17039235

*Современные революционные технологии. Стратегия, технология и тактика «цветных» революций. / Бурматов В.В., Глазунов О.Н.: Пробел-2000; Москва; 2011
ISBN 978-5-98604-257-2*

Аннотация

«Цветные» революции стали обыденной формой реализации изменений в современном мире. XXI век уже по праву называют веком революций. Среди них наибольшую известность получили «оранжевая», «тюльпановая», грузинская «революция роз». В книге рассмотрены философские и культурные предпосылки такого типа революций, способы их финансирования, стратегия и тактика. Кратко изложена история возникновения и развития доктрины «цветных» революций. Книга будет интересна специалистам по международным отношениям, историкам, политологам и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами революционных технологий.

Содержание

Введение	5
Часть 1	7
Глава 1. Теория культурной гегемонии А. Грамши	8
Глава 2. Революция и классовое сознание Д. Лукача	11
Глава 3. Идеи культурной революции Франкфуртской школы	15
Часть 2	29
Глава 1. «Цветная» революция: теоретические основания	29
1.1. Первая и вторая волна «цветных» революций	32
1.2. В каких странах возможны «цветные» революции	36
1.3. Причины революции	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владимир Владимирович Бурматов, Олег Николаевич Глазунов Современные революционные технологии. Стратегия, технология и тактика «цветных» революций

Рецензенты:

Глаголев В.С. – доктор философских наук, профессор кафедры философии МГИМО(У) МИД РФ;

Мельков С.А. – доктор политических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Академии гражданской защиты МЧС России, сопредседатель Ассоциации военных политологов;

Труханов В.А. – доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и социологии Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина.

Введение

Революции, прошедшие в Восточной Европе и на постсоветском пространстве в период с 1989 по 2011 год, поставили много непростых вопросов перед специалистами по стратегии и тактике революций. Наблюдаемые события совершенно не укладывались в общепринятые теории. В этот период ни огромная армия, ни хорошо обученные сотрудники госбезопасности и МВД не смогли предотвратить «оранжевую» революцию на Украине, «революцию роз» – в Грузии, «тюльпановую» – в Киргизии, «жасминовую» – в Тунисе. Невозможно просто вписать новые примеры революционных технологий в имеющиеся теоретические схемы. Современные теории революции в основном приспособлены для анализа событий периода XVIII–XIX вв. и не соответствуют нынешним реалиям. Сегодня специалисты, изучающие революционные процессы в обществе, в основном опираются на теоретические схемы, которые давно устарели и нуждаются в коренном пересмотре. Им даже не удается проследить структурные причины и следствия революций, понять их механизмы. Практически отсутствуют исследования последствий революций.

Образ классической революции, господствующий в современной науке, складывался на основе анализа исторического опыта прошедших революций и опирался на работы А. Токвиля, Э. Берка, К. Бритона, К. Маркса и В.И. Ленина. Все они исходили из того, что революция – это насильственное изменение существующего строя. Конец XX века внес свои коррективы в это определение. Революции, основанные на насилии, уходят в прошлое. На их место выходят революции нового поколения, основанные на новейших технологиях.

Такие революции проектируются в тиши кабинетов не революционерами-подпольщиками, а учеными с использованием всего многовекового опыта проведения подобных мероприятий. Преимущество этих революций в том, что не всегда простой народ, не имеющий доступа к информации и органам власти, может понять и осмыслить те культурные и социальные преобразования, которые проводятся в его стране. Причем основной, главной составляющей революции являются информационно-психологические технологии, позволяющие осуществлять воздействие как на отдельных людей, так и на целые социальные группы или народы. Применение подобных методов приводит к нарушению социокультурных связей, и в конечном итоге, к деморализации власти и к неспособности ее к сопротивлению. Информационные технологии, методы манипуляции сознанием и массовой пропаганды начинают играть главенствующую роль в революционных технологиях, и эта тенденция в ближайшее время будет только усиливаться.

В целом можно сказать, что в современном мире разработаны такие технологии государственных переворотов и революций, позволяющие совершить захваты власти, когда никто не заметит и даже не поймет, что случилось на самом деле, и общество будет просто поставлено перед совершившимся фактом перехода реальной власти в руки новой политической структуры. За несколько лет с начала нового столетия по Европе, странам СНГ и арабскому миру прокатились более семи «цветных» революций, в результате которых оппозиционные силы успешно свергали действующую власть. Уже началась цепная реакция. Вполне очевидно, что революция в Египте будет далеко не последней. Как бы подтверждая это, еще в 2005 году тогдашний президент США Джордж Буш открыто говорил: «Мы видели “революцию роз”, “оранжевую революцию”, “пурпурную революцию”, “тюльпановую” и “кедровую революцию”. И это только начало». И действительно, уже в начале 2011 года произошли две революции: в Тунисе и Египте.

Сбылась мечта В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого: революцию можно экспортировать как товар. «Цветная» революция, начавшись в Югославии, меняя цвет, победоносно двинулась в сторону Грузии и Украины, затем – Киргизии и Ливана. Сегодня в мире вряд ли остается

страна, которая может чувствовать себя полностью защищенной от революционных процессов, подобных грузинскому или украинскому.

В этой монографии речь пойдет не о классических типах революций, главным предметом нашего исследования являются революции нового поколения, которые иногда обозначаются словом «бархатные» или «цветные», чаще всего используется слово «оранжевые». Они по многим своим важнейшим признакам отличаются от прежних революций и не могут быть описаны и поняты в рамках понятий теорий К. Маркса и В.И. Ленина. Именно поэтому эти революции до сих пор окружены ореолом загадочности, они интригуют российскую общественность, порождают разнообразные конспирологические версии и мифы.

Материалы для монографии извлечены из многочисленных источников и специальных исследований. При этом авторы пользовались результатами многолетнего изучения революционных процессов ряда российских и зарубежных политологов, таких, как Д. Шарп, С. Кара-Мурза, Г. Почепцов и Э. Луттвак, а также анализом подлинных документов различных политических движений. Отдельную группу источников составляют авторы, работы которых непосредственно связаны с проблематикой осмысления революционных технологий в рамках классической и современной философской, исторической, социологической мысли, а также в рамках собственно современной культурологии.

Но эти источники были использованы в качестве отправного пункта исследования. В монографии нет попытки дать какой-либо новый анализ революционных процессов. Основные интересы сосредоточены на проблеме, которой не было уделено должного внимания в научных исследованиях: как и при каких обстоятельствах и условиях возникают и происходят ненасильственные, «цветные» революции.

Часть 1

Философско-социологические модели идеологии «цветных» революций

«Бархатные», или «цветные», революции возникли не в XX веке. Но мы не будем рассматривать исторические примеры бескровных переворотов начиная с античности, в этом нет необходимости. Начнем рассмотрение этой проблемы с XX века. Однако, следует заметить, что идеи пассивного протеста против власти начинают широко обсуждаться в XIX веке. Американский публицист и поэт Генри Дэвид Торо (1817–1862) в 1849 г. написал трактат «Гражданское неповиновение», где развивал идею пассивного и ненасильственного сопротивления власти, попирающей закон. Затем концепция гражданского неповиновения нашла свое воплощение в идеях и деятельности лидера индийского народа Махатмы Ганди. Примечательно, что он всегда подчеркивал, что гражданское неповиновение не является выражением злобы к правительству. По его словам, «лишь человеческий вымысел разделил мир на группы врагов и друзей». Однако наиболее ярко концепция ненасильственных («цветных») революций нашла свое воплощение в идеях А. Грамши и философов Франкфуртской школы.

Глава 1. Теория культурной гегемонии А. Грамши

В 30-е годы XX века, после изучения опыта всех великих революций прошлого, а также русской революции 1917 года и национал-социалистической революции в Германии, родилась принципиально новая теория, согласно которой первым объектом революционного разрушения становилась надстройка общества, причем ее наиболее уязвимая часть – идеология и другие установки общественного сознания. Разработка ее связана с именем Антонио Грамши, основателя и теоретика итальянской компартии. Он разрабатывал ряд философских, политологических и социологических проблем, среди которых теория гегемонии, специфика государства и гражданского общества, роль интеллектуалов в обществе, стратегия революционного действия в современных условиях и т. д. Он творчески развивал политико-философскую сторону марксизма, расширяя или преодолевая рамки классического первоисточника¹. Заметим, что понять и однозначно истолковать историко-культурологические идеи Грамши достаточно трудно. Он писал в фашистской тюрьме, поэтому большинство своих мыслей зашифровал под слоем различных научных терминов и слов.

Одна из центральных тем политической философии А. Грамши – теория гегемонии², которая использовалась им для исследования причин успехов и провалов коммунистических переворотов в Германии (1923), Польше (1924) и Болгарии, а также в сугубо практических целях – для создания эффективной программы овладения властью и построения социализма в условиях современного ему общества.

Гегемония, по А. Грамши, – сложное явление, формирующееся как на насилии (политического и иного принуждения), так и на согласии (на основе совпадающих общеклассовых интересов и идейных установок)³. Пролетариат должен достичь морального и интеллектуального превосходства еще до взятия власти. При этом важной задачей революционеров является «захват культуры»⁴. Такая постановка вопроса в корне противоречит ленинской идее о том, что сперва нужно взять власть, а потом произвести культурную революцию. Достижение морального и интеллектуального превосходства пролетариата осуществляется не к определенной дате, а медленно, незаметно и постепенно. А это значит, что постепенно меняется соотношение политических сил и пролетариат завоевывает руководящие позиции в системе власти. Причем открытые действия по «добыванию» власти, утратившей культурную гегемонию, ведут, согласно А. Грамши (в отличие от Маркса), не классовые организации, а исторические блоки – временные союзы внутренних и внешних сил, объединенных конкретной краткосрочной целью свержения власти⁵. Эти блоки собираются не по классовым принципам, а ситуативно и имеют динамический характер. Грамши приходит к выводу, что революция в форме вооруженного восстания осталась в XVIII и XIX веках. Теперь стратегия революции может быть направлена только на культурную войну.

Что же «переделал» Грамши в марксистской теории революции? Для этого еще раз обратимся к «ортодоксальному» учению о базисе и надстройке. Согласно теории Маркса и Энгельса, люди не могут производить материальные блага, не вступая в определенные производственные отношения. Этому реальному базису соответствует юридическая и политическая надстройка, а также определенные формы общественного сознания. Не трудно понять, что производственные отношения, с одной стороны, являются необходимым эле-

¹ Грамши А. Тюремные тетради // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2 – М.: Мысль, 1997. С. 311–325.

² Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Издательство «ЭКСМО-ПРЕСС», 2001. С. 61–69.

³ Маев Г. Грамши о гегемонии // Альманах «Восток». 2004. Выпуск № 9.

⁴ Грамши А. Искусство и политика – М.: Искусство, 1991.

⁵ Маев Г. Грамши о гегемонии // Альманах «Восток». 2004. Выпуск № 9.

ментом способа производства, а с другой, – составляют базис, основу для тех общественных явлений, которые возникают на этой основе. Каждый экономический базис общества необходимо порождает соответствующую ему надстройку. Итак, надстройка – это совокупность тех общественных явлений, которые возникают и развиваются на основе определенного экономического базиса. А. Грамши творчески переработал этот марксистский постулат. Он полагал, что не все экономические перемены вызывают автоматически идеологические и политические изменения. Наоборот, идеология и политика влияют на экономику⁶.

А. Грамши создает теорию двух обществ. По его мнению, государство включает в себя «политическое общество» и «гражданское общество»⁷. Опираясь на методологию Маркса (на работы: «К еврейскому вопросу», «К критике гегелевской философии права», «Немецкая идеология»), Грамши сформировал следующие позиции. *Гражданское общество* – это «совокупность организмов, называемых частными, которые соответствуют функциям гегемонии над всем обществом»⁸. Это – общество политически активных граждан, имеющих интеллектуальное превосходство. Именно они создают и внедряют в народ общие идеи, запросы и чувства. *Политическое же общество* – это совокупность организмов, которые занимаются прямыми принудительными функциями в обществе с помощью юридических, политических и военных аппаратов власти. Более того, это механизм подавления и (одновременно) механизм стабилизации общества. Причем Грамши считал, что стабилизация достигается не прямым насилием, а насилием скрытым: через школу, религию, культуру, прессу.

Исходя из этого он выводит свое определение государства, которое в корне отличается от ленинского: «Государство – это совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добиваясь при этом активного согласия руководимых»⁹. По мнению Грамши, гражданское общество стоит между государством и экономическим базисом и выступает посредником между ними. Проще говоря, оно доводит до государства сигналы о каких-либо неполадках в базисе. Положение, при котором достигнут достаточный уровень согласия граждан и государства, Антонио Грамши и называет культурной гегемонией.

Гражданское и политическое общество совместно составляют надстройку. При этом резкой грани между двумя обществами нет и в нормальных условиях они действуют сплоченно. Грамши полагал, что кризис наступает тогда, когда между ними происходит раскол, когда политическая власть и интеллектуальная гегемония начинают противостоять друг другу¹⁰. Из этого следует важное заключение: для захвата власти нет необходимости менять экономический базис, необходимо захватить и изменить ту часть надстройки, которая соответствует гражданскому обществу, создающему общественное мнение во всем обществе.

Интересно, что для обоснования своих позиций А. Грамши привлекает идеи К. Маркса. Так, в «18 брюмера Луи Бонапарта» К. Маркс пишет, что государство душит и подавляет гражданское общество, дабы не дать общественному мнению»¹¹ создать свои собственные, не зависящие от правительственной власти органы». По мнению К. Маркса, гражданское общество охватывает и экономику, и идеологию, и культуру. Это «целая общественная надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мыслей и мировоззрений», это «старые апостолы вольтерьянства и эклектической философии», с одной стороны, и иезу-

⁶ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Издательство «ЭКСМО-ПРЕСС», 2001 С. 61–69

⁷ Грамши А. Партия, государство, общество // Новое время. 1990. № 12.

⁸ Грамши А. Партия, государство, общество // Новое время. 1990. № 12.

⁹ Грамши А. Партия, государство, общество // Новое время. 1990. № 12.

¹⁰ Hoare O., Nowell Smith G. Selections From the Prison Notebooks of Antonio Gramsci. London. Lawrence and Wishart. 1986. P. 79.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х Т. Т.1 – М.: Политиздат, 1983. С.422.

иты, – с другой, это «борьба газетных писак» и «дискуссионные клубы в салонах и трактирах», это школа и университет¹².

Антонио Грамши считал, что подрыв культурной гегемонии – процесс «молекулярный»¹³. Он протекает не как столкновение классовых сил, а как невидимое изменение мнений и настроений в сознании людей. Гегемония опирается на «культурное ядро» общества, которое включает в себе совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, множество символов и образов, традиций и предрассудков, знаний и опыта. Пока это ядро стабильно, в обществе имеется «устойчивая коллективная воля», направленная на сохранение существующего порядка. Подрыв этого «культурного ядра» и разрушение этой коллективной воли – условие революции.

Основная идея Грамши заключается в том, что революционерам в союзе с творческой интеллигенцией необходимо постепенно – тихо, мирно, без какого-либо насилия, шаг за шагом – овладеть учреждениями культуры, образования, средствами массовой информации. И, когда это будет сделано, сознание людей изменится. Тогда и власть упадет прямо в руки «культурным революционерам». Именно эти идеи Грамши стали теоретической основой программы Итальянской коммунистической партии, в которой был признан только один путь социальных изменений – мирный, постепенный процесс реформ в рамках конституции с расширением демократии.

Важным отличием теории революции А. Грамши от марксистской теории было то, что А. Грамши преодолел свойственный историческому материализму прогрессизм. К. Маркс отвергал саму возможность революций регресса. Такого рода исторические процессы в его концепциях общественного развития выглядели как реакция или контрреволюция. Как видно из учения о гегемонии, любое государство, в том числе прогрессивное, может не справиться с задачей сохранения своей культурной гегемонии, если исторический блок его противников обладает новыми, более эффективными средствами агрессии в культурное ядро общества¹⁴.

Несомненно, важное влияние на Грамши оказал опыт фашизма, который применил средства психологической и культурной обработки общества, и подорвал гегемонию буржуазной демократии, совершив таким образом типичную революцию регресса. (Забегая вперед добавим, что перестройка и начальная фаза рыночных реформ в СССР – чистый случай революции регресса, не предусмотренный теориями революции Маркса и Ленина).

По мнению ряда культурологов (С. Кара-Мурза, А. Столярова, П. Бьюкенена, Д. Данфи), А. Грамши один из первых пришел к выводу, что революция в форме вооруженного восстания осталась в XVIII и XIX веках. Теперь стратегия революции может быть направлена только на культурную войну. С точки зрения стратегии, Грамши строго придерживался того мнения, что копирование большевистского опыта (революции и Гражданской войны) против государства в более передовых политических условиях (то есть в таких, как в то время на Западе) было бы совершенно тщетным. А с более широкой, аналитической точки зрения, он, несомненно, развил концепцию гегемонии, значительно более обогатив ее, по сравнению с тем, чего смогли добиться большевики во главе с В. И. Ленин¹⁵.

Труды А. Грамши содействовали формированию в Италии плеяды философов-марксистов и имели важное значение для дальнейших теоретических исследований историко-культурологического плана.

¹² Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. В 50 т. Т. 8. – М.: Политическая литература, 1981. С. 145.

¹³ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Издательство «ЭКСМО-ПРЕСС», 2001. С. 61–69.

¹⁴ Кара-Мурза С.Г. Маркс против русской революции. – М.: Эксмо, Яуза, 2008. С. 117–124.

¹⁵ Лестер Дж. Теория гегемонии Грамши и современность // Альманах «Восток». 2004. Выпуск 9/10.

Глава 2. Революция и классовое сознание Д. Лукача

В целом, в начале 20-х г. XIX века ряд марксистских теоретиков начали осознавать кризис детерминистского марксизма. Одним из первых это сделал Дьердь Лукач, написавший в 1919–1923 гг. книгу «История и классовое сознание»¹⁶. Д. Лукач призвал вернуться к «подлинному Марксу»¹⁷ в противоположность теоретикам 2-го Интернационала, которые рассматривали марксизм лишь как объективистски-экономическое учение и извратили социальную диалектику и исторический материализм. Еще до публикации «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» Д. Лукач обратил внимание на проблему отчуждения человека в обществе и внес в марксистские концепции свои нередко спорные толкования. Поэтому отнюдь не случайно Д. Лукач считается, наряду с Антонио Грамши, основоположником западного марксизма.

Д. Лукач был убежден, что капитализм несет угрозу человечеству и, прежде всего самому существованию культуры. Д. Лукач «уже замечал наступление специфически нового феномена капитализма: массового производства и потребления, предполагающего, с одной стороны, невиданную доселе стандартизацию существующих потребностей, а с другой, – навязывание новых, искусственно созданных потребностей, существенно видоизменяющих структуру традиционного производства и потребления и действительно создающих «новую вещественность»¹⁸.

По мнению некоторых отечественных культурологов (А.Н. Дмитриев, С. Н. Землянский, М. Хевеши), в своих взглядах на культуру Д. Лукач близок к А. Грамши. Так, в докладе «Старая и новая культура», прочитанном в Будапеште в 1919 г., он фактически согласился с Грамши, что после революции наступит созидательное господство культуры над экономикой (своеобразное «переворачивание» марксистского тезиса о соотношении базиса и надстройки)¹⁹.

Работа Лукача «История и классовое сознание» явилась первой комплексной попыткой философского осмысления Марксовой диалектики в XX в. В ней нашел отражение ряд принципиально важных характеристик современных общественных процессов: очевидная неспособность общество- и человековедения выработать осмысленное представление об эволюции социального целого; возрастающая и всеобъемлющая рационализация мира, делающая избыточными метафизику и онтологию классического типа; как следствие – диссонанс между иррациональным характером эволюции социума (нередко сопровождающимся экономическими катаклизмами) и достижением весьма изощренной степени рационализации при конструировании приватного мира «вещей, удобных для жизни».

Концепция, изложенная Лукачем в книге «История и классовое сознание», может быть представлена следующим образом. Для того чтобы понять и преобразовать общество, надо прежде всего осмыслить его как целостность. Отдельные факты и процессы сами по себе непознаваемы. Они поддаются осмыслению лишь с точки зрения целого. Поэтому целое мыслится как исходное²⁰. Но Лукач считает, что постичь целое дано не каждому. Это не дано буржуазии, сознание которой пребывает в плену абстракций, господствующих в капиталистическом мире (меновая стоимость, деньги, абстрактный труд и т. д.). Но это, в принципе,

¹⁶ Лукач Д. История и классовое сознание. – М.: Издательство «Логос-Альтера», 2003.

¹⁷ Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса – М.: Институт философии АН СССР, 1960.

¹⁸ «Вопросы философии». 1993. № 4. С. 61.

¹⁹ Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920–1930-е гг.). – М.: Летний сад, 2004. С. 103.

²⁰ Лукач Д. Ленин и классовая борьба. – М.: Алгоритм, 2008. С. 171–240.

дано пролетариату в силу его специфического положения и специфической роли внутри общественной целостности: ведь именно в пролетариате воплощается единство субъекта и объекта, и именно пролетариат заинтересован в революционном изменении общества как целого. Поэтому классовое сознание пролетариата – важнейший фактор современной истории²¹.

В «Истории и классовом сознании» Д. Лукач рассматривает диалектику как взаимодействие субъекта и объекта, и она оказывается равнозначной истории. Диалектика, по Лукачу, на определенном этапе вычитывается из истории. Только с ее помощью можно понять, что за общественными отношениями стоят отношения людей. Товарный фетишизм затушевывает в сознании этот факт, и именно Марксу удалось показать, что при капитализме отношения людей скрыты товарными отношениями. Как только это становится очевидным, то сам факт осознания, подчеркивает Д. Лукач, начинает играть первостепенную роль. Именно сознание становится точкой перехода к практике. Д. Лукач акцентирует все внимание на роли классового самосознания пролетариата, считая, что оно и определяет успех пролетарской революции²². Не трудно заметить в представленном рассуждении следы гегелевской «абсолютной идеи». В некотором смысле «творческий марксизм» возрождает старогегельянские подходы, прививая их к стволу «правогегельянства» и Маркса.

Допустим, пролетариат познал себя, и в тот момент, как он познал себя, наступает революция. Тогда пролетариат способен овладеть миром. Однако Д. Лукача интересует судьба пролетариата не с социологической точки зрения. Ему важен пролетариат, познающий и преобразующий себя в качестве субъекта истории²³. Более того, именно через самосознание венгерский философ интерпретирует и понятие «диктатуры пролетариата», которая, по его мнению, направлена не только против врагов революции, но в известном смысле и против себя.

Некоторые отечественные культурологи считают, что при детальном рассмотрении заметно сходство классового сознания Д. Лукача с «сверх-Я» З.Фрейда, только не на уровне индивидуальной психики, а в масштабах целого класса. Это марксистское «сверх-Я» – репрессивное, но необходимое, ибо через его запреты и принуждение формируются правила новой цивилизации, организуется и направляется творческая энергия. Причем не на разрушение старого мира, а на создание нового.

Вместе с тем «История и классовое сознание» Д. Лукача вступает в спор с К. Марксом и Ф. Энгельсом²⁴. Предмет спора – диалектика. Согласно Лукачу, диалектика представляет собой и метод мышления о мире, и способ участия в его преобразовании. Такой диалектики, по определению, нет в природе, а потому Д. Лукач отвергает диалектику природы Энгельса (тем более что ориентация на единые диалектические закономерности в обществе и природе есть фактически ориентация на приравнивание общества к природе, то есть тот самый объективистский детерминизм, которого Д. Лукач всеми силами стремится избежать). Он пишет: «Ограничение метода социально-исторической действительностью является очень важным. Недоразумения, проистекающие из изложения диалектики Энгельсом, по существу вызваны тем, что Энгельс – следуя ложному примеру Гегеля – распространяет диалектический метод на познание природы. Но здесь, в познании природы, отсутствуют решающие определения диалектики: взаимодействие субъекта и объекта, единство теории и практики, историческое изменение субстрата категорий как основа их изменения в мышлении, и т. д.»²⁵

²¹ Лукач Д. Ленин и классовая борьба. – М.: Алгоритм, 2008. С. 171–240.

²² Лукач Д. Ленин и классовая борьба. – М.: Алгоритм, 2008. С. 171–240.

²³ Лукач Д. Ленин и классовая борьба. – М.: Алгоритм, 2008. С. 171–240.

²⁴ Лукач Д. Ленин и классовая борьба. – М.: Алгоритм, 2008. С. 171–240.

²⁵ Альманах «Восток». 2005. Выпуск 7/8.

Природу можно познавать и рассматривать только во взаимоотношении с «целостной» деятельностью людей. Лукач видел в пролетариате именно целостный субъект-объект, «то есть первый в истории субъект, который способен (объективно) к осознанию общества»²⁶. По мере развития его борьбы пролетариат преодолевает «необходимость», и субъективный фактор, сознательная воля класса становится всеобъемлющей силой. Д. Лукач выступил также против разделения общественного самосознания на теорию и практику, истолковывая их как единый «праксис», то есть активность субъекта, обращенную на отчужденную от него опредмеченную среду. Все эти положения Д. Лукача мы обнаружим затем у философов Франкфуртской школы.

Между тем представители «ортодоксальной» линии в марксизме не только не видели ничего плохого в приравнивании общественных закономерностей к природным, естественным, но даже считали это преимуществом марксизма. Им представлялось, что отказ от такого приравнивания означает отказ от признания закономерного, естественно-необходимого развития общества, а следовательно, и отказ от признания закономерно-необходимого перехода к социализму.

Этим объясняется острая критика, а затем и осуждение взглядов Д. Лукача в середине 20-х годов. В то же время Д. Лукач писал, что он не хочет ничего добавить к марксизму, обновить его, улучшить и так далее. Напротив, его задача – остаться в рамках марксизма, истолковать его правильно²⁷. Согласно Д. Лукачу, конкретные выводы, к которым приходит К. Маркс, могут корректироваться последующей практикой, а вот марксистский метод имеет непреходящий характер. Метод этот диалектический, исторический и материалистический. Любой представитель существующего общества может стать на пролетарскую точку зрения, и тогда перед ним открывается совершенно иная перспектива. Правда, чтобы стать на эту точку зрения, интеллектual должен так или иначе включиться в практику пролетарской борьбы за освобождение – борьбы, в результате которой устраняется не только буржуазный способ производства, но и сам пролетариат, и на смену приходит сообщество свободных людей. Д. Лукач раскрыл в К. Марксе прежде всего философа, продолжившего традиции классической мировой мысли, тогда как в конце XIX и начале XX века Маркса считали не столько философом, сколько экономистом и социологом.

В работе «История и классовое сознание», Д. Лукач говорит о теоретической самодостаточности марксизма. Он полагает, что марксизм не нуждается в дополнении какими-либо концепциями. Правда, этой оценке не следует слишком доверять. Историко-культурная концепция Лукача – это все-таки не марксизм как таковой, а «творческий марксизм». И не следует забывать, что его «толкование марксизма произвело весьма сильное, прямо-таки ошеломляющее впечатление на всех тех, кто, следуя традициям 11 Интернационала, видел в Марксе только политически ориентированного экономиста, в лучшем случае – широко мыслящего социолога»²⁸.

* * *

В целом идеи А. Грамши и Д. Лукача оказались востребованы в XXI веке. Неолиберализм был «проектом гегемонии» в точном соответствии с представлениями западного марксизма. Технологические перемены, вызвавшие сдвиги в социальной структуре общества, не смогли не спровоцировать и кризиса гегемонии. Последний был использован междуна-

²⁶ Лукач Д. Ленин и классовая борьба. – М.: Алгоритм, 2008. С. 171–240.

²⁷ Землянский С. Г. Лукач и западный марксизм // Лукач Д. Ленин и классовая борьба – М.: Алгоритм, 2008. С. 5–30.

²⁸ Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920-1930-е гг.). – СПб.: Издательство Европ. ун-та, 2004. С.167.

родными финансовыми институтами и неолиберальными идеологами для продвижения собственного проекта. С одной стороны, была подорвана традиционная классовая гегемония в мире труда, с другой, – транснациональные корпорации смогли внести в мир капитала «новое классовое сознание», консолидировав его вокруг себя. Классовое сознание трудящихся было размыто, их связь со своими партиями и профсоюзами ослаблена. Напротив, правящий класс почувствовал себя сплоченным, как никогда. И именно беспрецедентная консолидация элит предопределила поразительную силу неолиберализма.

Важно отметить тот факт, что в обращении к марксизму философов Франкфуртской школы важную роль сыграла книга Д. Лукача «История и классовое сознание». Так, например, В. Беньямин обнаружил поразительное сходство тех положений, к которым он интуитивно пришел в области эстетики и литературной истории, с принципами Д. Лукача, развиваемыми в сфере политики²⁹.

Но теоретики Франкфуртской школы не только многому научились у Д. Лукача. Они пошли дальше. Важным новаторским качеством в области теории у франкфуртских мыслителей по сравнению с Д. Лукачем было их стремление творчески развивать марксизм, а не ориентироваться на уже достигнутый предел, заданный классиками (на аутентично понятного К. Маркса или очищенное от сталинской вульгаризации ленинское наследие). Уже в начале 1930-х гг. этими областями теоретического обновления марксизма во Франкфуртской школе становятся различные области культуры (понятой не просто как «надстройка») и социальной психологии, где наиболее близкими были достижения психоанализа (особенно для Эриха Фромма и М. Хоркхаймера). Сам Лукач принимал участие в образовании Франкфуртской школы (однако уже в конце двадцатых годов разошелся с ее представителями).

Подведем итоги. Работы А. Грамши и Д. Лукача оказали большое влияние на формирование идей неомарксизма. При сохранении концептуального ядра (учение об освобождении человечества пролетариатом, революционный переход от капитализма к более прогрессивной общественной формации) изменился теоретический облик самого марксизма. И не случайно Г. Маркузе говорил, что «после смерти Либкнехта и Люксембург самыми значительными марксистами он считал Лукача и Корша»³⁰. В данном исследовании эта эволюция марксизма рассмотрена как переход от идеологии рабочего движения к леворадикальной социальной теории. В последующем философы Франкфуртской школы многому научились у Грамши и Лукача. В частности, у Д. Лукача франкфуртцы взяли идею того, что любая идеология есть ложное сознание и должна быть уничтожена. Использовали они и идею овеществления (о возрастании формальной рациональности).

М. Хоркхаймер (не без влияния К. Корша и Д. Лукача) активно выступал против натуралистического догматизма во взглядах Ф. Энгельса и претензий догматического марксизма на роль абсолютной истины. По ряду позиций работы франкфуртцев уже выходят за рамки классического марксизма. Они положили начало развитию течения, которые позже получили название «западного марксизма» и «неомарксизма».

Марксизм у А. Грамши, Д. Лукача и К. Корша перестает быть исключительно идеологией рабочего движения и дистанцируется от политической практики – в итоге этого развития и появляется Франкфуртская школа со своими идеями «марксизма без пролетариата».

²⁹ Fuld W., Benjamin W. Zwischen der Stullen. Eine Biographic. Munchen: Hansel Verlag, 1979. S. 159.

³⁰ Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920-1930-е гг.) – СПб.: Издательство Европ. ун-та, 2004. С. 415.

Глава 3. Идеи культурной революции Франкфуртской школы

Франкфуртский институт социальных исследований, названный впоследствии Франкфуртской школой, был основан кружком левых интеллектуалов в начале 20-х гг. Организационным мероприятием, с которым обычно связывают начало деятельности школы, была «Марксистская рабочая неделя»³¹, проходившая с 20 мая 1923 года в железнодорожной гостинице немецкого коммуниста Фридриха Генне, в Гераберге (Тюрингия)³². Ее участниками были главным образом будущие сотрудники Франкфуртского института социальных исследований: Дьёрдь Лукач, Феликс Вайль, Рихард Зорге³³ и др. Первым директором и спонсором школы стал Ф. Вайль. Он был сыном владельца крупной зерноторговой компании «Братья Вайль и К». Ф. Вайль сумел уговорить своего отца (Германа Вайля) дать крупную сумму денег на основание социологического института марксистских исследований во Франкфурте-на-Майне³⁴. Одной из причин, стимулирующих финансирование Франкфуртской школы Г. Вайлем, было убийство М. Эрцбергера, В. Ратенау и исследование причин происхождения антисемитизма³⁵.

Костяк Франкфуртской школы составляли интеллектуалы, которые сочувствовали борьбе рабочего класса, но были достаточно далеки от революционной практики. В число сотрудников школы входили философы Макс Хоркхаймер, Теодор В. Адорно, Герберт Маркузе, экономист Фридрих Поллок, психолог и последователь З. Фрейда Э. Фромм³⁶. Достаточно близок к франкфуртцам был Вальтер Беньямин³⁷. В начале 30-х годов Ф. Вайль покинул школу и с 1931 по 1965 гг. директором Франкфуртской школы стал М. Хоркхаймер. В этот же период начал издаваться «Журнал социального исследования»³⁸, имевший огромное влияние в философских кругах того времени.

В работах философов Франкфуртской школы (прежде всего М. Хоркхаймера, Т. Адорно, В. Беньямина, Г. Маркузе) отражается судьба целой эпохи. Находясь в оппозиции к европейским научным институтам, эти философы и теоретики общества смогли перешагнуть границы, поставленные официальной наукой. Представители Франкфуртской школы активно выступали против фашизма, участвовали в дискуссии о философских рукописях «молодого» К. Маркса³⁹, писали гневные эссе против дегуманизации культуры. Несмотря на глубокие сомнения относительно духа Просвещения⁴⁰, франкфуртцы сохранили верность идеалу гуманистического общества. Ими были исследованы социальные корни и природа авторитаризма (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фромм), психология нацизма. Например,

³¹ «Марксистская рабочая неделя» – академическое мероприятие, организованное немецкими марксистами в целях обсуждения различных направлений в марксизме.

³² Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа. – М.: Летний сад, 2004. С. 223.

³³ «Тюремные тетради Рихарда Зорге» // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5. С. 100.

³⁴ Jay M. The Dialectical Imagination. A History of the Frankfurt School and the Institute of Social Research. 1923–1950. 2 td. Berkley: University of California Press, 1996. P. 14–18.

³⁵ Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа. – М.: Летний сад, 2004. С. 241.

³⁶ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 115–116.

³⁷ Давыдов Ю.Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. – М.: Наука, 1977.

³⁸ Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа – М.: Летний сад, 2004. С. 336.

³⁹ Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. – М.: Алгоритм, 2006. С. 61–80.

⁴⁰ Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М.: Медиум, Ювента, 1997.

Герберт Маркузе выступил против попыток использования нацистами философии Гегеля в защиту своей античеловеческой идеологии⁴¹. Когда в Германии к власти пришли национал-социалисты, франкфуртцы были вынуждены эмигрировать в США⁴².

Основной темой исследований философов Франкфуртской школы в американский период был современный им капитализм, в котором франкфурцы критиковали буквально все: социальные институты, правовые нормы, засилье техницизма, состояние культуры и искусства, а главное – положение человека, подавление личностного начала в нем в условиях «высокоорганизованного» общества⁴³.

Особенно резкой критики подвергалась буржуазная культура. Франкфуртцы считали, что культура в капиталистическом мире выполняет роль идеологии и средства поддержания господства, поэтому разрушение или кардинальное изменение основ этого общества приведет к восстановлению гуманистического облика культуры⁴⁴. Идеология индустрии культуры определяется как преднамеренная интеграция ее потребителей сверху, способствующая деградации сознания людей. Научно-технический прогресс оценивался франкфуртцами как институт репрессивного подавления культуры в исходном, не отчужденном смысле этого слова. Культура и искусство в сфере господства технократического мышления утрачивают свою сущность: сфера технического подавляет сферу духовного⁴⁵.

По мнению ряда культурологов (Ч. Райха, К. Лэш, Р. Кимболл) философия Франкфуртской школы оказала сильное влияние на современное общество, и очевидно, что её появление и развитие не были случайны. Условия возникновения социально-философских взглядов Франкфуртской школы имеет свою собственную логику. К теоретическим истокам школы, как известно, относят марксизм и «левый» фрейдизм (принявший в Германии форму «фрейдомарксизма»). Определяющее влияние на взгляды представителей Франкфуртской школы оказали идеи Гегеля, Маркса, Шопенгауэра, Ницше, Кьеркегора, ранних Лукача, Корша, Блоха, позднее – герменевтика Гадамера, связанная с идеями Гуссерля и Хайдеггера. Всех этих философов объединяло то, что они рассматривали познание как «инструмент», «орудие» достижения практических результатов.

Очевидно, что круг вопросов, которыми занимались представители школы, чрезвычайно широк, да и позиции их по этим вопросам были далеко не одинаковыми. Поэтому в данной работе будут рассмотрены труды в основном четырех теоретиков, с именами которых прежде всего связывается решение проблемы социокультурных трансформаций в рамках философии практики Франкфуртской школы. Речь идет о М. Хоркхаймере, Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромме. Были, конечно, и другие идеологи (такие, как, например, В. Беньямин и М. Хабермас) однако их вклад в теорию стратегии социокультурных революций менее очевиден. Итак, рассмотрим теорию культурной революции, предложенную философами Франкфуртской школы.

* * *

Как известно, К. Маркс в своей революционной доктрине не рассматривал культуру, и тем более культурную революцию, как одну из главных основ социокультурных изменений общества.

⁴¹ Marcuse H. Reason and Revolution Hegel and the Rise of Social Theory. N.Y., 1941.

⁴² Курлански М. 1968. Год, который потряс мир. – М.: АСТ МОСКВА, 2008. С.158.

⁴³ Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: «REEL-book», 1994.

⁴⁴ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 117–128.

⁴⁵ Давыдов Ю.Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. – М.: Наука, 1977. С.293.

Во многом это было связано с тем, что К. Маркс и Ф. Энгельс в духе гегельянства отождествляли поначалу науку об обществе с историей. Так, в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс, подводя черту под своим, и не только своим, философским прошлым, пишут: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей <...> История природы, так называемое естествознание, нас здесь не касается; историей же людей нам придется заняться, так как почти вся идеология сводится к превратному пониманию этой истории либо к полному отвлечению от нее»⁴⁶. К. Маркс, следовательно, считал себя историком, но историком особого рода, который противостоит идеалистической философии истории, сводившей историю к «так называемой истории культуры, которая целиком является историей религий и государства»⁴⁷.

Здесь обнаруживается наличие логического парадокса, сводящего «культуру» в широком смысле к «культуре» в смысле узком. Относя культуру (вместе с идеологией, политикой, государством и т. п.) к «надстройке», вторичному образованию, размещающемуся в обществе «над» общественно-экономическим базисом – исторически обусловленной совокупностью производительных сил и производственных отношений, – теоретики марксизма вольно или невольно признавали культуру в целом следствием экономики и политики, а духовное производство – порождением и продолжением производства материального. «Ортодоксальный марксизм», в свою очередь, пропагандировал вторичность и производность культуры по отношению к социуму и историческому развитию. Приоритет перед культурой с этой точки зрения на разных стадиях формирования марксистской философии имели: экономика, социальный уклад общества, классовая борьба, вообще политика и даже идеология, сама входящая в культуру как составная часть.

Карл Маркс не мог даже допустить мысли о возможности сознательного, подконтрольного управления социально-культурными процессами. Многие культурологи считают, что это было связано с тем, что во времена К.Маркса процесс возникновения культуры, её функционирования происходил стихийно, неосознанно, неорганизованно. В домарксовых философских системах культуре отводилась второстепенная роль. Это было связано с тем, что подъем и падение династий в древних империях и попеременное утверждение олигархий и демократий в греческих городах-государствах считались примерами политического насилия, но не социальных революций трансформационного типа. В XIX веке не обнаруживается исследований культуры с точки зрения проблемы социокультурных преобразований. Все это происходило бессистемно, бессознательно и стихийно. «Стихия» культуры не рассматривалась как один из способов захвата власти в государстве. И, конечно же, недооценка культуры, ее места и роли в общественном развитии приводила марксизм к одностороннему, чисто социологическому пониманию культуры.

Подобные взгляды на культуру в марксизме имели место вплоть до начала XX века, когда Антонио Грамши (после изучения опыта великих революций прошлого, а также русской революции и национал-социалистической революции в Германии (фашизм)), создал принципиально новую теорию, согласно которой первым объектом революционного разрушения становилась надстройка общества, а именно ее наиболее «мягкая» и податливая часть – культура.

Как уже было написано ранее, А. Грамши считал, что если чувство классовой солидарности не является силой, объединяющей разные группы в общей коллективной воле, то это означает, что существует другой фактор интеграции, который имеет по крайней мере равное значение. Культурное единство является с его точки зрения сильнейшим связующим меха-

⁴⁶ Маркс К. Энгельс Ф. Собр. соч. В 50 т. Т.3. – М.: Политиздат, 1981. С.16.

⁴⁷ Маркс К. Энгельс Ф. Собр. соч. В 50 т. Т.46. Ч.1. – М.: Политиздат, 1981. С.46.

низмом по крайней мере в этико-политической области: «На различных уровнях культура унифицируется в ряде страт до такой степени, что во взаимодействие вступает большее или меньшее количество индивидуумов, которые в разной степени понимают способ выражения друг друга, и т. д. <...> Историческое действие может быть осуществлено только «коллективным человеком», и это предполагает достижение «культурно-социального» объединения, через которое множество отдельных желаний с разнородными целями соединяются с единственной целью на основе равного и общего восприятия мира»⁴⁸.

Культура, по определению Грамши, означает «единую, распространенную в общенациональном масштабе концепцию «жизни человека», «светскую религию», философию, которая стала «культурой», то есть породила этику, образ жизни, определила поведение человека как гражданина и индивида». Прочитируем отрывок из его ранней статьи, написанной в январе 1916 г.: «Нам нужно освободиться от привычки считать культуру энциклопедическим знанием, и людей как простые хранилища, заполненные эмпирическими данными и массой не связанных между собой сырых фактов, которые должны быть размещены в мозгу, как в столбцах словаря, позволяя их владельцу отвечать на различные стимулы из окружающего мира. Эта форма культуры действительно опасна, особенно для пролетариата. Культура – это нечто совсем иное. Это организация, дисциплина внутреннего Я, достижение соглашения с самим собой; это достижение высшей осведомленности, с помощью которой можно преуспеть в понимании собственной исторической ценности, своего собственного предназначения в жизни, своих собственных прав и обязанностей. Но ничего этого не случится путем стихийной эволюции, посредством ряда действий и реакций, которые не зависят от собственной воли человека»⁴⁹.

Преодолевая противоположности материализма и идеализма, философия практики включает в себя все ценные, жизнеспособные творческие элементы этих направлений, чтобы из их органического синтеза породить новую, более высокую, более универсальную и гуманистическую культуру.

Для А. Грамши философия практики – это «плотный сгусток мудрой и мыслящей человечности», которая помогает достигать «ясной правдивости идей, прочной культуры»⁵⁰. Культурологи полагают, что такая философия способна стать духовной опорой человека, его духовным интеллектуальным оружием, инструментом интеллектуальной культуры, с помощью которого можно преобразовать мир человека и человечества.

Не случайно А. Грамши с самого начала своей деятельности уделял вопросам революции и культуры особое внимание. Культура и политика, политика и культура – вот два лейтмотива, пронизывающие практическую и теоретическую деятельность А. Грамши. Для того, чтобы осуществить революцию, необходим определенный уровень общественного и индивидуального сознания. В предреволюционные и революционные периоды интенсивная работа духа и сознания: познание и сознание (индивидуальное и социальное) представляют собой специфические формы самоформирования и самоосвобождения людей. Каждой революции предшествует интенсивная критическая работа по изучению культурного наследства, по его включению в осознание современных проблем – экономических, политических, социальных, культурных и других.

Пролетариат, рабочий класс, крестьянство в силу своего классового положения не в состоянии ни освоить теоретическое и культурное наследство, ни развить его в соответствии с требованиями времени и революционной борьбы. Эти функции выполняет и призвана

⁴⁸ Hoare O., Nowell Smith G. Selections From the Prison Notebooks of Antonio Gramsci. London. Lawrence and Wishart. 1986. P. 195.

⁴⁹ Hoare O., Nowell Smith G. Selections From the Prison Notebooks of Antonio Gramsci. London. Lawrence and Wishart, 1986. P. 280.

⁵⁰ Mouffe C. Hegemony and Ideology. London, 1976. P. 198.

выполнять интеллигенция⁵¹. Вот почему А. Грамши одной из основных задач своих теоретических исследований ставил задачу исследования проблемы формирования итальянской интеллигенции.

Почему культура обрела такую силу в XX веке? Многие исследователи культуры связывают это с тем, что характерной особенностью XX века является переход от стихийного процесса к управляемому. В современном мире человечество вступило в эпоху, когда его развитие стало происходить в большей степени не стихийно, а планомерно. Проще говоря, сознательный, планомерный и преднамеренный процесс приобрел сегодня огромную силу и стал основным в развитии всего общества. Теперь в процесс развития человечества стали вовлекаться огромные массы людей и современных технологий. Для нашей темы важным представляется то, что сегодня можно не только управлять культурой, но и планировать пути ее развития. Это стало возможно благодаря тому, что произошли следующие факторы: 1) технически возросли возможности сбора, обработки и передачи информации; 2) непомерно возросла роль информационных технологий в развитии культуры; 3) усилилось влияние массовой культуры на образ жизни. Фактически современная интеллектуально-информационная техника служит могучим средством управления культурой.

Проектируемая и управляемая культура имеет свои объективные законы, отличные от стихийного процесса. Никто не в состоянии им воспрепятствовать. Зная закономерности развития культуры, можно лучше управлять культурными процессами, планировать ход истории. В концепции «культурной» гегемонии Антонио Грамши этот факт по существу впервые получил теоретическое осмысление

Дальнейшую разработку идей А. Грамши продолжили философы Франкфуртской школы. Ее создатели исходили из того, что учение Карла Маркса неприменимо в новой исторической обстановке. На основании проведенного анализа общества они пришли к выводу, что на фундаменте марксизма осуществить революцию в современном мире невозможно, так как революционеры имели теперь дело не с бедным обществом, а с обществом «перенасыщенным»⁵². Неомарксисты выдвинули несколько основных положений культурной революции. Если для марксистов-революционеров самым главным врагом был капитализм, то для «неомарксистов» таким врагом стала западная культура, победа над которой предполагала ликвидацию традиционной культуры и христианских догм в душе западного человека⁵³.

В целом концепция культурной революции, разработанная неомарксистами и философами Франкфуртской школы, была создана в качестве противовеса апологетическим теориям Октябрьской революции 1917 года. Неомарксисты видели главное различие в том, что «на Востоке (в России) государство было всем, а гражданское общество пребывало в первородном и студнеобразном состоянии; на Западе между государством и гражданским обществом существовало верное соотношение, и при дрожи государства сразу же обнаруживалась крепкая структура гражданского общества. Государство было лишь передовой траншеей, за которой находилась прочная цепь крепостей и казематов»⁵⁴. Поэтому: «Если на Западе рушится государство, его держат гражданские структуры. Если в России рушится государство – наступает хаос». Стало быть, в России захватить власть легко: достаточно свергнуть правительство, в европейской стране для удержания власти нужны прочные общественные позиции, её не удержит группа заговорщиков. Этого-то и не поняли революционеры в Германии, Польше и Венгрии, пытавшиеся копировать опыт большевиков в 1923-25 гг.

⁵¹ Грамши А. Тюремные тетради // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т.2. – М.: Мысль, 1997. С. 311–325.

⁵² Социальная философия Франкфуртской школы. – М.: Издательство «Мысль», 1975. С. 7–19.

⁵³ Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М.: Медиум, Ювента, 1997. С. 9.

⁵⁴ Hoare O., Nowell Smith G. Selections From the Prison Notebooks of Antonio Gramsci. London. Lawrence and Wishart. 1986. P. 237–338.

Отсюда – два вида революционной тактики: либо лобовая атака на государство, как в России в 1917 году, либо завоевание культурной гегемонии в гражданском обществе, что более применимо на Западе. Лобовая атака (как в опыте русской революции) в европейских странах не эффективна. Не даром, по Антонио Грамши, революция в России 1917 года была на самом деле революцией против «Капитала» К. Маркса, так как произошла вопреки прогнозам, сделанным в «Капитале»⁵⁵.

Так, Маркс полагал, что социалистическая революция в России невозможна. Если же революция все-таки произойдет, она может быть только крестьянской и, следовательно, далекой от всякой демократии: «Настанет русский 1793 год, – предупреждал он, – господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории»⁵⁶. В том же духе высказывался и Энгельс: «Она (*русская революция – О.Г.*) начнется, вопреки предсказаниям Бакунина, сверху, во дворце. Но, раз начавшись, она увлечет за собой крестьян, и тогда вы увидите такие сцены, перед которыми побледнеют сцены 93 года»⁵⁷. Уже в конце 90-х гг. в одном из писем к русскому корреспонденту Энгельс писал, что переворот в отсталой стране с многочисленным крестьянским населением может быть осуществлен «ценой страшных страданий и потрясений»⁵⁸.

Поэтому в своем знаменитом письме к Вере Засулич Маркс советовал русским социалистам дожидаться социалистической революции на Западе, чтобы, затем, встав в хвост Европе, перейти к социализму на базе собственного общинного земледелия, т. е. минуя капитализм. И это понятно, К. Маркс жил в эпоху, когда демократия во многих странах Европы уже давно стала реальностью. В зрелый период своего творчества он вместе с Ф. Энгельсом пришел к выводу, что при наличии демократических порядков рабочие могут завоевать политическую власть не революционным, а мирным путем – посредством участия в демократических выборах. Демократия тем самым уже в границах буржуазного общества может быть использована для постепенного осуществления социалистических реформ. Эта идея дала начало так называемому демократическому социализму, ставшему программной установкой многих современных социал-демократических партий на Западе. Впоследствии западный марксизм вообще откажется от идеи насильственного захвата власти, коль скоро она осуществляется в демократической форме.

В качестве основного своего «оружия» по проведению революций неомарксисты возьмут концепции А. Грамши, М. Хоркхаймера и Г. Маркузе, только востребованы они будут гораздо позже – в 60-е годы. А ценны они были потому, что это были разработки решения вопросов на стыке «чистой» философии («чистой» онтологии) и реальной политики. Это – нечто совершенно новое в мировой философии вообще. Насколько известно, только два раза в мировой истории (и оба раза в XX веке) были сделаны попытки на научной основе решить вопросы онтологии и конкретной политики одновременно. Первый раз – у Д. Лукача, К. Корша, А. Грамши (с опорой на В. Ленина). А второй раз это сделали философы Франкфуртского института социальных исследований, которые просто совместили марксистскую методологию с новейшими достижениями социальных прикладных наук, – в этом ее ценность. Это интеллектуальное предприятие сыграло примечательную роль в разработке теории марксизма, а также сопряженного с ним круга идей. Включая, направление, получившее название «марксизм без пролетариата», непосредственно связанное с опознанием актуального субъекта перемен.

⁵⁵ Кара-Мурза С.Г. Маркс против русской революции. – М.: Эксмо, Яуза, 2008.

⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. в 50 т. Т.12. – М.: Политиздат, 1981. С.701.

⁵⁷ Там же. Т.29. С.124.

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. в 50 т. Т.39. – М.: Политиздат, 1981. С.5.

Позиции представителей Франкфуртской школы по вопросу социальных трансформаций и теории революций весьма радикальны. М. Хоркхаймер, Т. Адорно и Г. Маркузе исходили из принципа приоритета культурных изменений над экономическими или насильственными. Если для ранних марксистов «врагом» был капитализм, то для франкфуртцев таким врагом стала западная культура⁵⁹. Победа станет возможной, лишь когда в душе человека не останется ни грамма старой культуры, морали, семейных и христианских ценностей и т. д. Для этих целей М. Хоркхаймер, Т. Адорно и Г. Маркузе создали «критическую теорию общества». Философы Франкфуртской школы определили ее «как обоснованную критику всех без исключения элементов западной культуры, в том числе христианства, капитализма, авторитета семьи, патриархата, традиции, сексуальных ограничений, верности, патриотизма, национализма, конформизма и консерватизма»⁶⁰.

Предыстория критической теории общества прежде всего связана с марксистской составляющей культурологической концепции Франкфуртской школы. Более того, первоначальная философская программа М. Хоркхаймера была тесно связана с идеями К. Маркса и предусматривала максимально глубокое и конкретное исследование связи между экономическими структурами общества, духовно-психическим развитием индивида и феноменами культуры⁶¹. Фиксация внимания на наличии подобных взаимосвязей и зависимостей не была случайной. Скорее, она явилась прямым следствием давления историко-культурной ситуации на стратегию гуманитарных исследований. Объединявший франкфуртцев Институт социальных исследований возник на волне кризисных социальных процессов 20 – 30-х годов XX столетия. Германия не случайно оказалась в их эпицентре. Веймарская республика не могла справиться с углублявшимися противоречиями, обернувшимися возникновением фашизма, а потом и Второй мировой войной. Становление виднейших мыслителей франкфуртской школы в значительной степени определялось необходимостью откликаться на социальные проблемы, что роднило их с марксизмом, всегда ориентировавшим философию на осмысление общественной практики⁶². Нельзя не заметить «заказа», требовавшего от ученых создания новых гуманитарных технологий, способных повысить эффективность социального управления.

Ставилась задача создания целостной теории современного общества, которая диалектически соединяла бы в себе проводимые в разных областях конкретные социальные исследования с теоретически строгим осмыслением реальности и в то же время была бы независима от политики и идеологии. Новая теория строилась с учетом практического контекста, была нацелена на изучение изменений и особенностей современной социокультурной ситуации и в результате должна была стать адекватной социальной практике XX в. Более того, критическая рефлексия должна была привести к выявлению новых возможностей, освободительных тенденций, а в перспективе – к новой социальной практике. Все эти постулаты и составили основу «критической теории» – главного создания М. Хоркхаймера и Т. Адорно, которая разрабатывалась в течение сорока лет и внесла значительный вклад в философское осмысление современного этапа общественного развития, хотя ее прогностические цели и остались на стадии некой гипотетической структуры.

В своей концепции теоретики Франкфуртской школы выступают в качестве «критиков» современного государственно-монополистического капитализма, который они предпочитали называть «высокоразвитым индустриальным обществом». Критика позднекапи-

⁵⁹ Адорно Т. Негативная диалектика. – М.: Научный мир, 2003. С. 322–333.

⁶⁰ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. – М.: ООО Издательство АСТ, 2003. С. 116.

⁶¹ Horkheimer M. Die Sehnsucht nach der ganz Anderen. Ein Interview mit Kommentar von H. Gumnior. Hamburg, 1970. S. 54–56.

⁶² Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920-1930-е гг.). – М.: Летний сад, 2004.

талистического общества, т. е. государственно-монополистической стадии капитализма, сводится франкфуртцами к критике традиционной культуры и морального отчуждения человека, причем последнее возводится к отчуждению духовному. Франкфуртцы полагали, что люди подвергаются угнетению со стороны социальных сил не вследствие экономических причин, а в основном в результате своих ложных представлений об обществе и своего «отчужденного сознания»⁶³. Поэтому, чтобы изменить современный капитализм и устранить царящие в нем отношения господства и подчинения, необходимо, по мнению авторов «критической теории», морально осудить капитализм «в самом понятии», осуществить своего рода «революцию в сознании», которая освободит людей от угнетающих их ложных представлений⁶⁴. Главным средством для этого и должна послужить радикальная, тотальная критика идеологии. Под идеологией франкфуртцами понимается культура в целом, включая научное знание, в том числе естественные и технические науки, т. е. вся традиционная наука и культура.

Во времена К. Маркса, отмечают франкфуртцы, идеология была связана прежде всего с политическим мышлением и выступала главным образом в форме политических теорий, в одеянии политики как выражение осознанных классовых интересов⁶⁵. Теперь идеология выступает в иной форме – массовой культуры, которая сознательно распространяется по многочисленным каналам современной пропаганды, формирует вкусы, потребности и образ мыслей «человека массы», является средством целенаправленного управления мышлением и поведением людей. Идеология стала инструментом «массового обмана» и «коллективного ослепления»⁶⁶. В результате чего современный человек покорно приспосабливается к существующим общественным отношениям: беспросветный конформизм, поверхностное восприятие всего существующего как вполне узаконенного и оправданного. Эта позиция в свою очередь приводит к отчуждению личности, к потере индивидуальности. По словам Т. Адорно, в условиях капиталистической массовой культуры то, что ежедневно наблюдается на экранах телевизоров, становится обычаем. Через культуру, а точнее через индустрию культуры, человеку навязывается определенный тип сознания и поведения⁶⁷. Понятие «деполитизированная социальность» у франкфуртцев означало индифферентность трудящихся к вопросам политики, полное разрушение классового сознания пролетариата, отсутствие у него стремлений к ликвидации капиталистического строя.

Вследствие этого произошли настолько коренные изменения в современном капитализме, что такие основные категории марксизма, как «классовая борьба» и «идеология», потеряли значение и больше не применимы. Исчезла «конфликтная зона классовой борьбы», поскольку «государственно-регулируемый капитализм сделал классовые конфликты тихими», так сказать, бесконфликтными. В «Четырех фактах против Маркса» Ю. Хабермас писал: «Классовое сознание, революционность нельзя сегодня установить даже среди ядра рабочих. Всякая революционная теория в этих условиях лишена своего адреса. Аргументы больше не могут превращаться в лозунги. Надежды Маркса на то, что теория становится материальной силой, как только она овладевает массами, сегодня оставлены»⁶⁸. В этой ситуации, считали франкфуртцы, о какой-либо революции не может быть и речи. Поэтому основные положения исторического материализма нуждаются в генеральном пересмотре.

⁶³ Horkheimer M. Ein neuer Ideologiebegriff // Archiv für die Geschichte des Sozialismus und Arbeiterbewegung, Helf. Jg. 15. H. 1. 1930.

⁶⁴ Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М.: Медиум, Ювента, 1997.

⁶⁵ Adorno W. Th. Ideologie // Frankfurter Beiträge zur Soziologie, Frankfurt a M., 1964.

⁶⁶ Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М.: Медиум, Ювента, 1997.

⁶⁷ Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М.: Медиум, Ювента, 1997.

⁶⁸ Habermas J. Theorie und Praxis. Neuwied – Berlin, 1969. S. 56.

Первая и главная марксистская «догма», от которой призывают отказаться теоретики Франкфуртской школы, – это положение марксизма о всемирно-исторической роли пролетариата в качестве субъекта социалистической революции⁶⁹. Свои суждения франкфуртцы обосновывали утверждением, будто важнейшая особенность «высокоразвитого индустриального общества» – «интеграция рабочего класса» в это общество в результате манипулирования потребностями и сознанием рабочих масс со стороны господствующих классов⁷⁰. При господстве «одномерного сознания» «одномерный человек» этого общества не способен ни выработать, ни даже воспринять то революционное социалистическое сознание, которое, согласно учению марксизма, является непременным условием и предпосылкой пролетарской социалистической революции. Таким образом, по единодушному утверждению теоретиков Франкфуртской школы, классовое сознание у современного рабочего класса отсутствует. Но в этом, заявляет Хабермас, и нет никакой нужды, ибо в современных условиях эмансипация человечества является не вопросом классовой борьбы, а надклассовым вопросом освобождения человеческого рода как такового от отчуждения⁷¹.

Следующий тезис «критической теории» касается важнейшего вопроса: кто, какой класс, какие социальные силы, является непосредственным «носителем» или «исполнителем» революции? Франкфуртцы отстаивают положение, что «субъектом революции» теперь могут стать лишь те, кто еще не стал рабом «одномерного сознания». К ним относятся национальные и религиозные меньшинства, студенты и маргиналы, так называемый «внутренний пролетариат»⁷².

Этот тезис находит подтверждение в конце XX века. Безусловным фактом является то, что взрыв протеста против существующей системы в 60-е – начало 70-х имел четко непролетарский характер. Он связан был прежде всего с молодежным движением, с маргинальными слоями и группами, которые в наибольшей степени испытывали психологический протест против отчуждения, духовного порабощения, против ханжества и лицемерия, господствовавших в обществе, против всеохватывающей калькуляции и рационализации, бюрократизации, когда не остается места спонтанности, иррационально-мифическому. Это недовольство наиболее отчетливо проявляется в маргинальных слоях, ибо они не имеют прочных традиций, устоявшегося образа жизни.

Именно «внутренний» пролетариат поднял бунт в октябре-ноябре 2005 года. Тогда в течение трех-четырех недель ночная Франция практически принадлежала выходцам с Востока – арабам, неграм и т. д. Масштаб происходящего потрясает: сожжены несколько тысяч автомобилей, разгромлены сотни торговых и культурных центров, школ, полицейских участков. Две недели власти Франции не знали, что делать, какие действия предпринять. В течение 12 дней полиция бездействовала, охраняя только себя. Беспорядки пошли на убыль только тогда, когда было введено чрезвычайное положение. Причем, по мнению ряда политологов, все действия участников беспорядков были четко спланированы и отрежиссированы. Между бунтующими группами существовала отличная связь, порой свои послания они отправляли с помощью Интернета. Не случайно беспорядки с пригородов Парижа перекинулись на другие города Франции, а затем на Германию и Бельгию.

Однако сам по себе «внутренний пролетариат» не способен осуществить революционного преобразования общества. Ему отводится роль катализатора, своеобразного детонатора, способного лишь воспламенить горючее вещество, накапливаемое в обществе. В качестве потенциального носителя революционных изменений рассматривается интеллигенция,

⁶⁹ Marcuse H. *Cjunterrevolution and Revolt*. Boston, Beacon Press, 1972.

⁷⁰ Маркузе Г. *Одномерный человек*. – М.: «REFL-book», 1994. С.12.

⁷¹ Социальная философия Франкфуртской школы. – М.: Издательство «Мысль», 1975. С. 116.

⁷² Маркузе Г. *Одномерный человек*. – М.: «REFL-book», 1994.

которую франкфуртцы нередко характеризует как новый рабочий класс⁷³. Они констатируют все более «возрастающую неспособность» пролетариата к выработке подлинно революционного, «трансцендирующего данное общество» сознания и признают лишь за «критически мыслящей интеллигенцией» силу, способную развить и распространить революционное сознание.

Опыт проведения «цветных» революций в Европе и на постсоветском пространстве (2003–2006) показал, что в современном мире интеллигенция является подлинно революционным классом. В ней заключен главный источник оппозиции правительству. Интеллигенция формирует культурные и политические установки и ценности. Она разрабатывает и пропагандирует доктрины новой культуры, руководит и направляет процесс революции на всех этапах.

По мнению ряда культурологов, всякая политическая группа, желающая захватить власть, должна разработать свою программу, свое понимание культуры, эстетических, нравственных и моральных ценностей. Новое мировоззрение с особой шкалой ценностей необходимо, чтобы доказать право на национальное лидерство. Но этого недостаточно, нужные идеалы необходимо укоренить в массовой культуре, сделав их наследием нации, сementировать ими общество так, чтобы социальные и культурные перемены двигались в нужном русле. Ясно, что массы не способны к такой работе. Другими словами, для этой цели необходимо выделить особый слой людей, специализирующихся на концептуальном обосновании культурной революции. В современном обществе не кто-нибудь, а интеллектуалы конструируют модели культурных и политических установок. Именно создание и распространение идеологий, установление или подрыв того или иного правления – главный смысл существования интеллигенции.

Франкфуртцы считали, что революции должны предшествовать «революция человека», его «великий отказ». Маркузе в «Очерке об освобождении» писал: «...Всех мятежников объединяет одно – глубина отказа»⁷⁴, т. е. общая отрешенность от капитализма, от его науки и культуры, образования, воспитания, семейных ценностей и др. Так, например, Т. Адорно в работе «Авторитарная личность» высказывается в характерном для «критической теории» ракурсе, согласно которому никакое прямое насилие не может сохранить и обеспечить целостность какой бы то ни было семьи, всякого общества и любой социальной группы, если внутри сознания членов этого сообщества не будет господствовать вера в авторитет⁷⁵. При таком подходе авторитет главы семьи и родителей, государства и президента лишается объективной основы и превращается в самодовлеющее психическое явление «ложного сознания», допускающее экзистенциалистское или неопрейдистское обоснование. По мнению Т. Адорно, если в семье христианской и сугубо капиталистической главенствует авторитарный отец, с большой долей вероятности можно предположить, что его потомки вырастут расистами и фашистами. Поэтому необходим отказ от устоявшихся семейных ценностей и обычаев. Чарльз Сайкс, старший научный сотрудник Висконсинского центра политических исследований, говоря о книге «Авторитарная личность», писал, что это – «бескомпромиссный приговор буржуазной цивилизации, при том, что воззрения, ранее считавшиеся не более чем старомодными, ныне, по этой книге, признаются фашистскими и недостойными психологически здорового человека»⁷⁶. Уничтожение института семьи франкфуртцы считали одним из важнейших этапов современных революций.

⁷³ Социальная философия Франкфуртской школы. – М.: Издательство «Мысль», 1975.

⁷⁴ Маркузе Г. Очерк об освобождении. – М.: Наука, 1970. С. 13.

⁷⁵ Adorno T. Stichworte, Kritische Modelle 2, Frankfurt a. M., 1969. S. 133.

⁷⁶ Sykes C. A Nation of Victims. – New York, 1992. P. 54.

Впрочем, враждебность к институту семьи не была в неомарксизме абсолютно новой. Еще К. Маркс в «Немецкой идеологии» писал, что при патриархальном укладе мужчины воспринимали женщин и детей как свою собственность⁷⁷. В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс также утверждал, что патриархальная семья испокон веку вела к дискриминации женщин⁷⁸.

В целом, «Великий Отказ» можно охарактеризовать как «абсолютное отрицание» современного общества и современной «репрессивной культуры»⁷⁹. Т. Адорно писал: «После Освенцима любая культура вместе с любой ее уничижительной критикой – всего лишь мусор...»⁸⁰. Культурологи полагают, что лобовая атака на современную культуру имела целью развенчать ложные образы реальности, где все возвращается на круги своя, обслуживаемая властью. Культурная революция должна сломать духовно и изменить человека, и созданный в ходе революции новый человек должен был построить новое общество.

Полномасштабная культурно-социальная революция, таким образом, связана с быстрым и ненасильственным захватом существующих культурных и политических институтов, мобилизацией новых групп в политику и культуру – создание новых культурных и политических институтов. В общем, сначала терпят крушение культурные и политические институты старого режима; за этим следует мобилизация новых групп в политику и затем создание новых культурных и политических институтов.

Культурная революция разрушает старый общественный порядок с его классами. Рождаются новые, более общие источники морали и ценности. Многие культурологи считают, что наиболее значительным достижением революции и является резкое изменение культурных ценностей и установок.

Революция связана с моральным обновлением. На смену типичным образцам поведения старого общества приходят новые образцы.

По мнению франкфуртцев, тотальная критика традиционной культуры и общественных устоев способствует возникновению депрессии и порождает «культурный пессимизм», ощущение полной безнадежности и отчаяния, когда люди, свободные и преуспевающие, начинают воспринимать свою страну как угнетателя, как общество, не заслуживающее любви и верности. Неомарксисты считали культурный пессимизм необходимым предварительным условием революционных перемен. В целом на начальном этапе культурной революции проводится очернение практически всех институтов государства. Скептическое отношение к традициям, моральным нормам должно стать отправной точкой культурной революции.

Даже техника и наука, по мнению франкфуртцев, выступают в современном мире не столько в качестве производительной силы, сколько в роли новой, всех подавляющей и подчиняющей идеологии, поэтому они должны быть подвергнуты отрицанию.

В арсенале теоретических средств «критической теории» общества довольно видное место занимает концепция «сексуальной революции», в основе которой лежит теория З. Фрейда. Уже в начале 1930-х годов, когда были опубликованы «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» К. Маркса, представители Франкфуртской школы обнаружили, что вопросы, волновавшие молодого К. Маркса, во многом совпадают с темами, обсуждаемыми среди учеников З. Фрейда. Обнаружилось, что К. Маркс усиленно работал над фундаментальными проблемами сущности и существования человека, его свободы и рабства, отчуж-

⁷⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. В 50 т. Т.1. -М.: Политиздат, 1955.

⁷⁸ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф., Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. – М.: Политиздат, 1986.

⁷⁹ Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: «REFL-book», 1994.

⁸⁰ Адорно Т. Негативная диалектика. – М.: Научный мир, 2003. С. 322–333.

дения и преодоления отчужденных сил, смысла истории⁸¹. Подобно К. Марксу, З. Фрейд исходил из реальных человеческих потребностей, таких, как любовь и голод, прослеживал их судьбу во враждебной человеку среде. И К. Маркс, и З. Фрейд подчеркивали в первую очередь антагонизмы, существующие между отдельными компонентами общества или психики. Если марксизм представляет собой критику капиталистической системы хозяйства, то психоанализ – критику буржуазной морали. Франкфуртцы попытались соединить марксистскую интерпретацию общественного процесса с фрейдовской интерпретацией индивидуальной психологии.

Причем это не классический фрейдизм, сводящий все к подавлению сексуальности, к либидо. От З. Фрейда франкфуртцы оставили только само понятие бессознательного. В сфере бессознательного находятся не только сексуальные стремления, но также многочисленные страхи и желания, имеющие совершенно иную природу. Но для Франкфуртской школы принципиальный интерес представляло не индивидуальное, а массовое сознание. Поэтому в их работах акцент делается на юнговском понятии «коллективного бессознательного».

Это – фактический разрыв с фрейдизмом, для которого бессознательное всегда есть нечто индивидуализированное. Но исследование «коллективного бессознательного» требует по понятным причинам обращения к той или иной социально-философской концепции. Таковую франкфуртцы находят в марксизме, воспринятом в духе раннего К. Маркса как систематическая и всесторонняя научная критика капиталистической системы.

Общие положения фрейдо-марксизма, или неофрейдизма, воспринятые Франкфуртской школой, можно свести к следующему. Согласно теории Г. Маркузе, в подсознательных мотивах поведения человека происходит непрерывная борьба основных инстинктов, например, жизнеутверждающего эроса и инстинкта смерти (танатоса). Но человек в борьбе с окружающей природой и общественной средой вынужден подавлять, сублимировать, а затем преобразовывать проявление инстинктов, подсознательных мотивов и руководствоваться «принципам реальности». Неограниченное удовлетворение первоначального инстинктивного стремления к наслаждениям опасно для жизни человека в обществе, и поэтому он принужден «принцип удовольствия» подчинить «принципу реальности».

Человек ограничивает и видоизменяет удовлетворение своих потребностей в соответствии с «реальными» общественными условиями. Его потребности заменяются на более «культурные», подчиняющие человека обществу. Разум человека, его внимание и память, его способность к суждениям и оценкам превращаются из свободного проявления самосознания в «репрессивное» орудие подавления индивида.

Выход из этого положения франкфуртцы видят в распространении революции за пределы социально-экономических отношений, на область психологических основ поведения людей, на структуру их инстинктов. Необходимо освобождение сексуальности (предпосылки для которого уже созданы принципом производительности), благодаря чему рухнет большая часть репрессивных ограничений, и с помощью самосублимации сексуальности и сублимации влечения к смерти сформируется новый порядок, новая организация общества, новая культура, которая будет основываться на эротических, либидозных, но несексуальных связях индивидов друг с другом.

Своими исследованиями Г. Маркузе выдвинул идею «третьего пути» развития общества (некапиталистического и несоциалистического), могущего привести к созданию «нерепрессивной цивилизации», при которой деятельность и поведение людей будут управляться

⁸¹ Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. В 50 т. Т.42. – М.: Политиздат, 1981

«жизненной энергией любви»⁸². Сами потребности и влечения людей, как глубинные истоки их социальной активности, претерпят социальные изменения, станут более благородными. В этом плане Маркузе говорит о революции потребностей и влечений, в результате которой появится новая культура, основанная полностью на принципах гуманизма, служащая благу и наслаждению человека. Ее он называет контркультурой, то есть открыто противостоящей современной, по его мнению, антигуманной культуре и исключаяющей какое-либо приспособление к ней.

Многие культурологи полагают, что идею «сексуальной революции» Г. Маркузе заимствовал у Г. Лукача и Вильгельма Райха. Так, Г. Лукач еще в 1919 году, будучи замминистра просвещения Венгерской республики (в правительстве Бела Куна), ввел программу сексуального воспитания в школах⁸³. Детей учили свободной любви и сексуальной вседозволенности, внушали им мысли об отмирании прежних норм поведения и института моногамной семьи, а также о незаконности религии, лишившей человека всех чувственных удовольствий⁸⁴. Предложение Лукача о пропаганде распушенности среди женщин и детей было направленно на уничтожение семьи – основы западной и христианской культуры. Через пятьдесят лет его идеи были с восторгом подхвачены бунтующими студентами Европы и Америки.

Немецкий ученый В. Райх считал, что современная социальная теория должна включать в себя высшие достижения теоретической мысли и их синтез. По его мнению, такой теорией может быть его сексуально-экономическое учение, основывающееся на «социальном фундаменте К. Маркса и психологическом фундаменте З. Фрейда» и являющееся массовопсихологическим и сексуально-социологическим. В. Райх полагал, что марксистски ориентированная революционная борьба пролетариата должна быть дополнена борьбой за сексуальную свободу, совершением сексуальной революции и осуществлением новой политики в области сексуальных отношений и воспитания.

Согласно его концепции, сексуальное «освобождение» означало освобождение от защиты культуры⁸⁵. И это в сочетании с марксизмом давало поразительный эффект. В теориях Райха и Маркузе очень много общего. В. Райх пишет о тысячелетнем подавлении сексуальности в интересах авторитарного общества⁸⁶, а Г. Маркузе о подавлении сексуальных инстинктов в интересах «господства»⁸⁷. В. Райх говорит об авторитарной психической структуре, не позволяющей обрести свободу⁸⁸, а Г. Маркузе называет это явление «психическим термидором»⁸⁹. В. Райх призывает к сексуальному раскрепощению, а Г. Маркузе к «тотальной революции психической структуры». Как видим, изменена лишь словесная форма, суть одинакова.

Правда, сопоставляемые работы несколько отличались в выводах. В. Райх предлагал начинать сексуальное раскрепощение постепенно, предварительно подготовив помещения для половой жизни детей, а Маркузе призывает к тотальной революции сейчас же, так как

⁸² Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.

⁸³ Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа. – М.: Летний Сад, 2004. С.109.

⁸⁴ Loewy M. Georg Lukacs: from Romanticism to Bolshevism. London: NLB, 1979. P.151.

⁸⁵ Fadiman J., Frager R. Personality and Personal Growth. New York, Loadon, 1976.

⁸⁶ Райх В. Психология масс и фашизм. – СПб.: Университетская книга, 1997.

⁸⁷ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.

⁸⁸ Райх В. Психология масс и фашизм. – СПб.: Университетская книга, 1997.

⁸⁹ Давыдов Ю. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. – М.: Наука, 1977. С. 135–205.

современные производительные силы могут освободить человека от отчужденного труда⁹⁰. В результате, по мнению Маркузе, возникнет «либидинозная мораль», «свобода от вины и страха», «освобождение эроса»⁹¹.

Подобные взгляды Г. Маркузе стали провозвестниками и катализатором «сексуальной революции» на Западе, получившей в свою очередь воплощение в движении хиппи и студенческих бунтах 68-го года.

Итак, философы Франкфуртской школы разработали теоретические аспекты новых революционных технологий, пригодных для современного «индустриального общества». Они могут быть сформулированы следующим образом:

- технология и стратегия современных революций представляет собой «революцию в сознании» с элементами фрейд-марксизма и нацелена на разрушение традиционных культурных, моральных и религиозных основ;
- культурная и политическая элита являются идеологами культурно-социальной революции;
- движущейся силой революции является не рабочий класс, который к этому времени превратился в «средний», а «внутренний пролетариат» – безработные, национальные и сексуальные меньшинства, а также радикальные слои студенчества и гуманитарной интеллигенции.

Философские взгляды франкфуртцев явились теоретическим фундаментом идеологии «новых левых» в США. Это массовое радикальное движение молодежи (преимущественно образованной) в западных странах как альтернатива «старым левым» – коммунистам, дискредитировавшим себя в глазах радикалов, и социал-демократам (из-за их переориентировки в сторону либерализма). В отличие от них, новые левые декларировали неограниченную индивидуальную свободу, неприятие всякого насилия над личностью со стороны государства и общества и, как следствие, полную правовую и моральную реабилитацию любых дискриминируемых групп: негров и других национальных меньшинств, женщин, коммунистов, атеистов, гомосексуалистов, наркоманов и т. д. Эти требования обосновывались смесью разнородных, в прошлом считавшихся несовместимыми доктрин: марксизма, анархизма, пацифизма, фрейдизма, экзистенциализма и других. Отрицая любую цивилизацию, базирующуюся на примате материальных ценностей (то есть и капитализм, и советский социализм), движение новых левых в период своего высшего подъема в конце 1960-х гг. поставило ряд западных стран (особенно Францию, США и Западную Германию) на грань социального и политического кризиса⁹².

Философы Франкфуртской школы, потратив время и силы, создали блестящую теорию развития капитализма и современного общества. Но виднейшие западные политологи и идеологи по крупицам собрали и переработали теоретическое наследие Франкфуртской школы и использовали в борьбе за гегемонии в мире. Идеи ненасильственных революций, разработанные А. Грамши и франкфуртцами, были использованы при проведении «цветных» революций в Югославии, Украине, Грузии и т. д.

⁹⁰ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. – М: ООО «Издательство АСТ», 2002.

⁹¹ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. – М: ООО «Издательство АСТ», 2002.

⁹² Франкфуртцы приветствовали движение «новых левых» за его конфронтационную политику и провозглашение «новой чувственности». Это движение должно было играть роль катализатора как для рабочего класса, так и для революционных сражений Третьего мира. События 1968 г. Маркузе считал «инстинктивным актом» освобождения. Студенты Парижа на демонстрациях несли плакат, на котором были написаны три заглавных буквы «М», означавших: Маркс, Мао, Маркузе.

Часть 2

Стратегия и технология «цветных» революций

Глава 1. «Цветная» революция: теоретические основания

«Наша эпоха не просто революционная. Мы вошли в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории. Мир стоит а пороге трансформации, которая по своим историческим и человеческим последствиям будет более драматичной, чем та, что была вызвана французской или большевистской революциями... В 2000 году признают, что Робеспьер и Ленин были мягкими реформаторами».

З.Бжезинский

В современном мире существуют два варианта захвата власти – путем прямого военного переворота и путем «цветной» революции. Обычно военные перевороты проводятся в странах, где отсутствует какая-либо внутренняя оппозиция, с полной или частичной диктатурой. Но проблема в том, что военные операции против таких стран требуют больших материальных затрат, риска для исполнителей и обычно приводят к многочисленным человеческим жертвам. «Цветные» революции в этом отношении более выигрышны. Так, воодушевленный победами «бархатных» революций 2000–2005 гг., тогдашний президент США Дж. Буш сказал, практика минувших четырех-пяти лет убедила его, что свержение режимов путем вооруженного вторжения гораздо менее эффективно, если принимать во внимание необходимость последующего восстановления страны и общества, по сравнению с революциями. Дело не только в том, что такие народные восстания обходятся дешевле (на Афганистан и Ирак начиная с 2001 г. Вашингтон потратил до 300 млрд. долл., а на бархатную поддержку демократий за этот же период – всего 4,6 млрд. долл.), а прежде всего в том, что «цветные» революции не требуют заново создавать разрушенных войной структур государственного управления.

Кроме того, в процессе проведения военного переворота возможны многочисленные жертвы, причем среди гражданского населения, а это значит, необходимо объяснить мировой общественности, почему уничтожаются мирные граждане. В результате авторитет захвативших власть среди народа падает.

Украина, 2004 г.

Во время проведения «оранжевой» революции в Киеве власть практически «валялась под ногами», и взять ее было несложно, но в этот момент главное было не допустить силовых, противозаконных методов. Необходимы были выдержка и терпение. Взять власть, в смысле ворваться в министерские кабинеты, было не сложно. Гораздо сложнее было бы ею воспользоваться и удержать. Рычаги исполнительной власти действовали бы только в тех регионах, где победил В. Ющенко.

В результате силового сценария Украина получила бы незаконного президента. Такого главу государства не признали бы юг и восток Украины, где проживают основные сторонники Виктора Януковича. Подобное развитие событий грозило в дальнейшем расколом страны. Такого президента не признали бы не только в России, но и в большинстве стран Европы и Америки. На восстановление авторитета страны и ее лидера ушли бы годы.

И, наконец, два последних аргумента. Первый – при силовом сценарии никто не смог бы гарантировать, что не прольется ни одна капля крови. То, что оппозиция потребовала повторных выборов было правильно, несмотря на то, что это стоило времени и оттягивало долгожданную победу. Однако время – это цена необходимой Виктору Ющенко для легитимности. И поддержка 52 % граждан Украины дала новоизбранному президенту возможность начать осуществлять необходимые стране изменения. При этом осуществлять их, впервые за годы независимости, с опорой на народ.

В отличие от военных переворотов, бархатные революции представляют собой более тонкий прием. С пропагандистской точки зрения они предпочтительнее военной агрессии. Они создают иллюзию, что «порабощенный» народ сам решил свою судьбу. К тому же это дешевле и не требует риска. Ошибочно считать, что бархатные революции могут победить в тех странах, где есть хоть какие-нибудь ростки демократии, существует оппозиции. Исторический опыт свидетельствует обратное. Несмотря на то что, в СССР и ГДР были мощные спецслужбы, система подавления инакомыслия, бархатные революции все равно там произошли.

Термин «бархатная» или «цветная» революция – порождение XX в. Это революция нового типа, без насилия и без явного столкновения крупных социальных сил, с использованием современных технологий. Она показывает, как беззащитно государство перед атаками именно в культурной и духовной сфере – если найдены уязвимые точки. «Бархатными» они названы потому, что предполагается, что они не закончатся большой кровью. Технология этих революций такова, что они способны нейтрализовать главную силу, которую государство готовит для отражения революции, – его силовые структуры.

Российский политолог С. Кара-Мурза пишет: «Ненасильственный характер действий оппозиции (особенно если их совершает «приличная» публика, как на банкетах либеральной профессуры) притупляет саму способность власти видеть угрозы, служит как «обезболивание» государства на первом этапе революций и мятежей. Государство перестает реагировать на сигналы, которые в нормальной ситуации повлекли бы самые решительные действия. Например, если оппозиция получает финансирование от иностранных государств для подготовки свержения существующей власти, то в случае привычных «силовых» действий оппозиции вроде устройства баррикад еще можно было бы ожидать активных действий по пресечению этих финансовых потоков. А при всех «бархатных» революциях финансирование оппозиции из-за рубежа ведется совершенно открыто, и власть стесняется этому воспрепятствовать.»

Технология «бархатных» революций использует слабость большинства современных демократических государств, в которых пусть даже частично существует некоторая свобода слова, печати, убеждений. В этих государствах населению и, что более важно, в умы сотрудников спецслужб и офицеров министерства обороны внедряется совершенно ущербная идея о недопустимости применения силы по отношению к тем, кто не совершает насильственных действий против существующей власти. Неумение противостоять невооруженной толпе парализует армию и органы госбезопасности. Толпа блокирует правительственные здания, а само правительство и силовые органы убеждены, что никаких насильственных действий предпринимать против толпы нельзя. Потому что это недемократично. Сергей Кара-Мурза полагает: «Эта неполноценность государственности была заложена, как программа-вирус, в механизм власти всех стран переходного типа...» Понятно, что Украина, Грузия, Киргизия были такими ущербными государствами.

* * *

Итак, мы выяснили, что «цветные» революции осуществляются народными массами и имеют полную видимость народного мятежа. Для начала революции обычно используют какие-либо значительные события в жизни страны. Например, выборы президента или парламента, национальные волнения и т. д. Политологи определили ряд различных условий, необходимых для победы «цветной» революции. Причем эти условия имеют системный характер и представляют собой связанные между собой социальные и политических предпосылки или кризисы. Основные из них:

- делигитимация режима и политический кризис в стране;
- раскол общества на две примерно равные части;
- территориальные противоречия;
- разложение армии и правоохранительных органов;
- активная поддержка из-за рубежа;
- предательство элит;
- слабость власти в столице и крупных городах государства;
- победа на выборах партии власти или кандидата от власти.

Набор условий имеет как различные, так и общие для всех «цветных» революций черты. Например, сильная финансовая и политическая поддержка из-за рубежа, предательство элит и высшего чиновничества была во всех «цветных» революциях. Сильные территориальные противоречия были на Украине (противостояние Восток-Запад) и в Киргизии (Север-Юг). Разложение армии и спецслужб имело место как во время грузинской «революции роз», так и при проведении «оранжевой» революции в Киеве. Но в то же время причинами революции в Грузии были результаты парламентских выборов, на Украине – президентские выборы, а в Ливане – трагическая гибель экс-премьера Рафика Харири.

Кризис власти или революционная ситуация возможны тогда, когда народ не воспринимает существующую власть как справедливую. Одна из причин революции – неверие народа в свое будущее со «старой» властью. То есть господствующая элита не в состоянии предложить народу какого-либо положительного проекта – будущего развития государства. Тогда наступает недовольство всех социальных слоев происходящими в стране реформами и преобразованиями. Проще говоря, в стратегии проведения реформ присутствуют такие черты, которые не совместимы с запросами и интересами всех социальных групп государства, включая даже тех, кто составляет экономическую и политическую элиту. Благодаря этому в оппозиции к власти находятся даже враждующие между собой политические силы.

Многие эксперты полагают, что современные «цветные» революция – это не более чем смена элит. Например, Сергей Кара-Мурза в книге «Экспорт революции» пишет: «Бархатная революция – это особый класс революций, руководящую роль в которых играют группы элит, конкурирующие с той частью элиты, которая примыкает к власти... А. Чадаев утверждает наличие общего признака революции подобного типа: «Бесполезно искать ее формулу в анналах марксизма-ленинизма. Угнетаемые классы не обучены тяготиться своей угнетенностью и не порождают революций в процессе обострения классовой борьбы. Внутренний источник современной революции – это контрэлита: активная, голодная до власти прослойка тех, кто остался за бортом в результате клановой борьбы». В СССР, Грузии и на Украине механизм бархатных революций был запущен тогда, когда часть элиты, находящаяся у власти сделала невозможным приток «новой» элиты в управление государством. Произошел, как говорят политологи, паралич вертикальной социальной мобильности. Он подразумевает как принципиальную невозможность проникновения свежих творческих сил в правящую элиту страны

Наконец, порождает и создает революционную ситуацию коррупция и бюрократизм существующей власти. На Украине, в Грузии и в Киргизии коррупция достигала небывалых размеров. Коррупцирована была вся вертикаль власти сверху донизу. В то же время опыт показывает, что продажный госчиновник, просто бесполезен в дни революции, поскольку «по определению, не способен общаться с восставшим народом на понятном последнему языке».

Многие исследователи революционных процессов отмечают еще один немаловажный факт успеха «цветных» революций – они совершаются в столицах. «Оранжевая» революция на Украине состоялась в условиях максимальной поддержки, оказанной оппозиции мэром Киева. В общем, главное – добиться поддержки оппозиции у достаточной части населения крупных городов. В то же время, если благосклонного отношения добиться не удастся, в некоторых случаях достаточно бывает нейтралитета граждан, их равнодушия к судьбе власти.

Оппозиции необходимо заранее продумать, как и где будет проходить бархатная революция. Как показывает опыт, обычно местом проведения переворота избирают главную площадь или улицу страны, где наиболее реально возможностью психологического давления на действующую власть. При проведении акций гражданского неповиновения необходима дисциплина и четкая слаженность в действиях лидеров оппозиции и вверенных им групп демонстрантов. Революция должна пройти бескровно и цивилизованно, чтобы не дать правительству никаких поводов для осмеяния или критики. Лидеры оппозиции не должны допускать драк, пьянства и других незаконных действий, компрометирующих революцию.

1.1. Первая и вторая волна «цветных» революций

Исследователи революционных процессов, происходивших в 1989–2005 гг. делят бархатные революции на два этапа, или «волны». Первая волна «бархатных революций» охватывает период с конца 80-х – начала 90-х гг. В результате уничтожен СССР, Варшавский договор и почти весь соцлагерь. Именно в этот период были отработаны технологии, которые затем успешно применялись в Югославии, Грузии и на Украине.

Например, в Польше успешно была опробована идея создания «независимых профсоюзов», студенческих организаций, различных политических кружков, объединяющих многие слои населения – интеллигенцию, рабочих, крестьян, католиков и др. По данным польских спецслужб, только к концу 1981 года в ПНР вышли на поверхность около 130 нелегальных, полуполигальных групп, ведущих антигосударственную деятельность; они маскировались под различными вводящими в заблуждение или сбивающими с толку названиями. Финансирование этих организаций осуществлялось через различные псевдообщественные фонды и организации. Крупнейший американский профсоюзный центр – АФТ-КПП – создал «Фонд помощи польским рабочим». Так, только через одного агента ЦРУ Ирвинга Брауна «Солидарности» было тайно передано 140 тыс. долларов, а еще 120 тыс. долларов поступили в качестве первого взноса из ФРГ, Франции и Австрии. При финансовой помощи ЦРУ профсоюзный центр АФТ-КПП уже в 1980 г. стал печатать каждый месяц на польском языке 12 тысяч экземпляров своей газеты и пересылать ее лидерам «Солидарности».

Момент для начала выступлений против коммунистического правления обычно выбирался с таким расчетом, чтобы эти акции проходили в период проявления недовольства населения рядом экономических факторов. Оппозиция всячески раздувала ошибки партийного и государственного руководства стран соцлагеря. Например, когда летом 1980 года в результате серьезных ошибок руководства Польской Народной Республики в области социальной и экономической политики наметился тяжелый кризис и усилилось недовольство масс, поль-

ская оппозиция не замедлила воспользоваться этим и организовала мощные антисоветские выступления по всей стране.

Причем при расследовании причин выступления польской оппозиции в 1980-81 гг. польские спецслужбы обнаружили те же самые элементы, что и в разработанном ЦРУ плане «Кентавр» по осуществлению политической дестабилизации Чили в 1973 г. и в «Операции САКО» («Система организованной гражданской акции») с целью подготовки путча против правительства Сальвадора Альенде. В обоих случаях ЦРУ использовало профсоюзных лидеров правой ориентации и подчиненные им профсоюзные органы для антирабочей подпольной деятельности. Точно так же, как и в Чили, ЦРУ концентрировало усилия на целенаправленном саботаже в тех важных сферах экономики, в которых за сравнительно короткий срок можно было ожидать катастрофических последствий такой деятельности: В Чили это была жизненно важная область – транспорт. В Польше – уголь и тяжелая промышленность.

Конечно, «цветные» революции первой волны были далеки от совершенства. Многие тактические и технологические моменты были еще не отработаны. В некоторых странах события развивались во многом неорганизованно, стихийно и спонтанно. Но, несмотря ни на что, эти революции завершились успешно: развалился СССР, рухнул коммунистический режим в Восточной Европе.

Опыт первых «бархатных» революций не пропал даром. Запад проанализировал ошибки и удаchi первых революций, и на их основе были разработаны технологии, которые потом успешно применялись в Югославии при свержении Милошевича, на Украине во время массовых демонстраций против президента Кучмы, в Молдавии и т. д.

Кроме того, на опыте деятельности польской «Солидарности» американские спецслужбы составили 28-страничную инструкцию, содержащую в себе подробную стратегию по захвату власти, – вплоть до того, когда и под какими лозунгами проводить митинги, какими средствами и методами компрометировать политических соперников и т. д.

* * *

Вторая волна «цветных» революций пошла с 2000 г. Целью «революций» первой волны была смена социалистического строя на капиталистический, а целью второй волны – смена независимого правительства марионеточным. В отличие от «первой волны», когда стратеги «бархатных революций» еще не были так отработаны, сценарий новых «революций» тщательно отработан, каждый знает свое место, как ему действовать. Новые революционные технологии применяются Западом против тех, кто даже не пытаясь вступить в прямой конфликт с США, не является в полной мере ее послушным орудием.

«Бархатные революционеры» второй волны действуют в почти идеальных условиях. У них имеются телевидение и газеты, Интернет, открытая финансовая поддержка из-за рубежа. Демократические законы не дают властям пресечь антигосударственную деятельность оппозиции.

С начала 2000 года в мире произошли около восьми «цветных» революций. Перечислим их: Югославия (2000 г.); Грузия и Абхазия («революция роз» 2003 г.); «оранжевая» революция на Украине (осень-зима 2004 г.); Киргизия. («тюльпановая» революция 2005); «кедровая» революция в Ливане, «жасминовая» – в

Тунисе и революция в Египте в январе-феврале 2011 года. Американцы еще говорят о «пурпурной» революции в Ираке. Но это не более чем пропагандистский трюк, поскольку иракские выборы не вписываются в общую схему.

Современная «цветная» революция – это отработанная технология, успешность которой зависит от четко взаимодействующих составных элементов и правил. Технически ее можно разделить на несколько элементов.

Первый элемент – наличие какого-либо повода, способного заставить оппозицию вывести людей на улицы. Практически все революции «второй волны» начинались как протест против фальсификации результатов выборов президента или парламента. Например, непосредственным катализатором событий на Украине, в Грузии и в Киргизии стало прямое и грубое нарушение конституции и законов этих стран некоторыми властными политическими группами. Пропрезидентские политические партии, имеющие накануне выборов низкие рейтинги, стали победителями. Это не соответствовало не только духу, но и настроению избирателей. В то же время оппозиция проводит сразу несколько экзит-полов с разными результатами, которые в конечном счете не совпадают с итогами ЦИК. Зафиксированный социологами низкий уровень доверия граждан к органам власти освобождает оппозицию от необходимости убеждать избирателей в массовых фальсификациях, достаточно одного яркого примера.

Большей частью населения страны такая ситуация расценивалась как попытка определенных финансово-политических групп, сросшихся с государственной властью, узурпировать власть.

В то же время в Ливане поводом для «кедровой» революции стало убийство бывшего премьер-министра Рафика Харири. Его автомобиль был взорван в центре Бейрута 14 февраля 2005 года. Смерть популярного политика, руководившего страной на протяжении почти 12 лет, потрясла общественность. Похороны Харири превратились в многотысячный митинг. Семья погибшего и его политические союзники не скрывали, что пытаются осуществить в стране «бархатную» революцию, наподобие украинской или грузинской. Море флагов – красно-белых с зеленым кедром посередине – на центральной площади Бейрута и международное давление возымели действие. Правительство Омара Караме ушло в отставку, сирийские войска по требованию Запада спешно покинули территорию Ливана, а на майских парламентских выборах триумфальную победу одержал блок «Будущее», возглавляемый сыном убитого премьера Саадом Харири.

Поводом для беспорядков и возникновения революционной ситуации может служить любой праздник, любая годовщина каких-либо исторических событий. Так, например, в середине марта 2007 года, в Будапеште после митинга оппозиции по случаю очередной годовщины революции 1848 года, вспыхнули беспорядки. На проспекте Андраши, в центре венгерской столицы, после окончания проведения массовых торжественных мероприятий, посвященных годовщине революции 1848-49 годов, произошли столкновения между силами охраны общественного порядка и манифестантами, которые пытались установить баррикады в центре проспекта. Из других районов города к митингующим направляются несколько тысяч сторонников правых сил. Более тысячи агрессивно настроенных манифестантов, большинство которых скрывали лица под черными масками, требовали пропустить их к зданию Национального бюро расследований (НБР), куда сотрудники НБР несколько часов назад доставили активиста праворадикальных сил Дьёрдя Будахази. В ходе противостояния спецподразделениям полиции удалось вытеснить участников массовых беспорядков из центра венгерской столицы и рассеять толпу. Полицейские использовали при этом водометы, гранаты со слезоточивым газом и резиновые дубинки. Около пяти сотрудников полиции и столько же манифестантов получили ранения. Десятки демонстрантов были задержаны и доставлены в полицейские участки. Небольшие группы участников беспорядков были вытеснены к Цепному мосту и скрылись в переулках, ведущих к главным улицам. Митингующие устанавливали баррикады, разбивали окна автомобилей и витрины магазинов, поджигали урны с мусором.

Стоит напомнить, что тунисская «жасминовая» революция 2011 года, началась с того, что 26-летний выпускник университета Мохаммед Буазили поджег себя потому, что полиция конфисковала его овощной лоток. Молодой человек, у которого был университетский

диплом, смог найти себе работу только на рынке, где он продавал овощи и фрукты. Но и там ему не дали работать, заявив, что у него нет соответствующего разрешения. Доведенный до отчаяния, Буазизи облил себя бензином и поджег. Это событие послужило детонатором «цветной» революции, возмущенные люди вышли на улицы с протестами. Сначала это произошло лишь в родном городе Буазизи – Сиди Бузиде, а требования были экономическими: остановить рост цен на продукты и создать новые рабочие места. Власти немедленно заявили, что демонстранты – это террористы, которые ставят под угрозу стабильность в стране и вообще хотят ее расколоть.

Примерно по такому же сценарию началась революция в Египте. 17 января 2011 года 50-летний египтянин поджигает себя перед парламентом страны. Тем самым он повторил действия Мохаммеда Буазизи, самоубийство которого привело к началу массовых выступлений в Тунисе

В целом революции в арабских странах начинаются из-за бедственного экономического положения и повышения цен на продукты питания. Народные массы выходят на улицы, власти приказывают армии подавить бунт. Если армии это удастся, революция откладывается на несколько лет. Если нет, военные присоединяются к демонстрантам и диктатор теряет власть. Затем проходят «свободные выборы», результаты которых не имеют никакого отношения к демократии. Хорошо организованные группировки захватывают власть в стране.

Второй элемент – наличие благоприятных внутренних условий. Это подразумевает наличие в стране достаточно влиятельной и единой оппозиции, которая возглавит революцию и способна показать народу, что существует «альтернативная» сила. Ко второму туру президентских выборов украинской оппозиции удалось хотя бы временно преодолеть внутренние расколы и выступить сплоченным фронтом в поддержку единого кандидата. Но этого мало, население должно обладать значительным протестным потенциалом, позволяющим рассчитывать на длительные акции. Подобное достигается в результате затяжного экономического кризиса, сопровождающегося постоянным снижением уровня жизни значительной части населения или же относительного улучшения благосостояния, когда граждане боятся потерять нажитое и чувствуют себя достаточно самостоятельными, чтобы требовать уважительного отношения к себе со стороны властей. Основная роль в организации и проведении акций протеста отводится наиболее социально активной части общества – молодежи, студентам. Наличие хорошо организованного молодежного движения характерно как для Грузии («Кхмара»), так и для Украины («Пора»).

С учетом возможного применения силовых методов огромное значение имеет нейтралитет или поддержка армии, органов внутренних дел. В Югославии, на Украине и в Грузии они перешли на сторону оппозиции, что позволило обойтись без крови.

Последний важный элемент – активная поддержка из-за рубежа. И в Югославии, на Украине и в Грузии иностранные государства не признали результатов выборов, на которых победили проправительственные силы. Они настаивали, и даже угрожали власти, требуя «соблюдению норм демократии и необходимости решения конфликта путем переговоров». Переговоры с оппозицией – еще одна ошибка власти. С.Кара-Мурза пишет: «Важнейшей технологией «оранжевой» революции стало использование переговоров для связывания рук государства. Целью переговоров было создать впечатление, что революционеры готовы пойти на диалог и компромисс. Для контроля за «правильным ходом» переговорного процесса в Киев зачастили «международные посредники... Митингующим на Майдане было очень важно знать, что их поддерживает «весь цивилизованный мир». Кроме того, поддержка Запада не позволяла другим странам, поддерживающим действующие режимы, открыто признавать официальные результаты выборов. На Украине складывается своеобраз-

разная ситуация: в то время как Запад традиционно признал выборы недемократичными, но Россия первая поздравила с победой В.Януковича.

В ходе проведения революции для оппозиции важно придерживаться следующих правил:

- во-первых, сохранять полный контроль над митингующими и не поддаваться на провокации массовых столкновений;

- во-вторых, постоянно наращивать динамику акций протеста и регулярно получать хоть и незначительные, но все же результаты: поддержка регионов, переход на свою сторону госчиновников и политических деятелей, организаций или государственных органов.

Это общие элементы «цветных» революций, а детали могут различаться. Например, в Аджарии обошлось без выборов, а политический кризис был вызван действиями официального Тбилиси. По-разному происходят уличные беспорядки: в Югославии и Киргизии – штурмовой захват зданий с погромами и поджогами, в Грузии – более мирный захват парламента, на Украине – блокирование дверей и перекрытие дорог. В Ливане – многотысячные акции протеста, парализовавшие политическую и экономическую жизнь страны. В революционных событиях часто замешены одни и те же люди. Так, посол США в Грузии Р. Мейлз (посол переворотов), принимавший активное участие в «революции роз», ранее активно содействовал перевороту в Белграде. Активисты сербского «Отпора» – одной из активных штурмовых сил югославской революции – плодотворно сотрудничали с грузинской организацией «Кмара» и украинской «Пора».

1.2. В каких странах возможны «цветные» революции

Многие современные политологи считают, что, «бархатные» или «цветные» революции возможны только в странах «третьего мира», где политическая система неустойчива, а власть погрязла в коррупции. Это не так. Технология «бархатных» революций такова, что ее можно применять практически в любой стране с любыми формами правления. Смысл технологии «бархатных» революций в доведении политической ситуации до кризисной, когда «верхи не могут, а низы не хотят». События в Ливане и Франции подтверждают эти слова. В Ливане поводом для «кедровой» революции послужила не обычная традиционная схема с парламентскими или президентскими выборами, а просто использовали в качестве детонатора революции убийство экс-премьера. Во Франции до революции не дошло, но поводом к многотысячным акциям, парализовавшим всю Францию, послужило убийство полицейскими арабского подростка.

Неожиданная смена власти в Тунисе в январе 2011 года, которую назвали «жасминовой революцией», стала исключительным событием не только для этой страны, но и для всего арабского мира. Последние несколько лет Тунис считался одним из самых стабильных и экономически развитых государств арабского мира. В сравнении с соседними государствами (Ливией или Алжиром) уровень жизни жителей Туниса был достаточно высок. Более того, Тунис всегда выступал надежным союзником Запада в борьбе против «Аль-Каиды», его руководство хотя и считалось авторитарным, но публичные казни или массовый террор против оппозиции не практиковало. Президент Туниса Бен Али пять раз избирался главой государства с результатами около 99 процентов голосов. Ничего не предвещало революционных потрясений.

События, получившие название «жасминовой» революции, развивались следующим образом: 17 декабря 2011 года совершил попытку самоубийства 26-летний Мохаммед Буазизи. Выпускник университета, смог найти себе работу только на рынке, где он продавал овощи и фрукты. Но и там ему не дали работать, заявив, что у него нет соответствующего разрешения. Доведенный до отчаяния Буазизи облил себя бензином и поджег.

Благодаря социальным сетям эта история получила огромный резонанс. Выяснилось, что в Тунисе живут десятки тысяч молодых образованных людей, которые сидят без нормальной работы и перспектив на будущее. Уставшие от всего этого люди вышли на улицы с протестами. Сначала это произошло лишь в родном городе Буазизи – Сиди Бузиде, а требования были экономическими: остановить рост цен на продукты и создать новые рабочие места. Власти немедленно заявили, что это террористы, которые ставят под угрозу стабильность в стране и вообще хотят ее расколоть. На разгон митингов бросили отряды полиции. В последовавших столкновениях десятки людей пострадали, а двое от полученных ран скончались.

Однако это не помогло. Протесты начали шириться, причем массовые акции прошли и в других городах. Демонстрации протеста охватили весь центральный Тунис. С 8 по 10 января в столкновениях с полицией погибли более 50 человек. Государственное телевидение поначалу игнорировало протесты, потом сообщило об «актах террора со стороны экстремистов», но дальнейший обман уже терял всякий смысл: благодаря Интернету тунисцы прекрасно знали, что происходит.

События «тюльпановой» революции в Киргизии предлагают иную модель: для победы, оказывается, достаточно проявить политическую волю, воспользовавшись растерянностью или слабостью власти. С учетом того, что власть в государствах СНГ стала слабее, перед «революционерами» открываются неплохие перспективы.

Со страниц газет и по телевидению, можно услышать, что «бархатные» революции невозможны в США. Что для этого там нет социальной почвы? Это отнюдь не так. Говоря языком философов Франкфуртской школы, подлинно революционным классом в США является «внутренний» пролетариат – негры, эмигранты, сексуальные меньшинства и т. д. Вспомните негритянский бунт в Лос-Анджелесе. Город несколько суток был во власти толпы, которая громила магазины, избивала белых граждан, поджигала машины. Другой случай – молодежные бунты 60-х, пронесшиеся по США и Европе. Каждое государство имеет слабое место. Главное, точно вычислить это место и правильно его использовать.

США, май 2006

1 мая 2006 года миллионы нелегальных иммигрантов США провели день экономического бойкота. Они не вышли на работу в магазины и рестораны, на стройки и учреждения. Если всего в США насчитывается около 12 миллионов выходцев из Латинской Америки, то можно представить эффект первомайского бойкота. Больше всего бойкот ударил по Калифорнии, где иммигранты составляют одну треть населения. Нелегальные иммигранты заполнили улицы всех крупных городов США. Акция протеста показала, какая революционная сила заключена в выходцах из Латинской Америки, если их организовать и вывести на улицы.

«Цветные» революции не возможны там, где власть продемонстрирует политическую волю и при помощи армии и спецслужб может себя защитить. Китай, Венесуэла и Узбекистан могут служить наглядным примером, как избежать «цветных» революций.

«Бархатные» революции не возможны, пока в государстве соблюдаются следующие условия: во-первых, пока общество монолитно и сплочено вокруг власти, революции можно не опасаться. Но в современных условиях такая ситуация возможна лишь в странах Востока (да и то не во всех). Для смены власти необходим раскол общества на две части. В Европе, избалованной псевдодемократией и парламентаризмом, это возможно. Не произойдет «революции» и в том случае, если общество состоит из индивидуалистов, когда каждый сам по себе, никто никому не верит и ни за кем не идет.

При этом часть, поддерживающая оппозицию, должна быть либо равной (по крайней мере, сопоставимой) по силе и численности той части, которая поддерживает власть, либо превосходить ее. Оппозиция должна быть сплоченной, иметь высокую степень организованности.

Но проблема в том, что современные разработчики «бархатных» революций научились умело раскалывают общество любой страны. Причины раскола могут быть различными: социальными (Югославия, Грузия) или территориальными (Аджария, Украина, Киргизия).

Как показывает опыт, свергаемая власть оказывается слабо организованной и недостаточно активной. Во многом это связано с тем, что сторонники «оппозиции» имеют преимущество – они хорошо организованы, каждый знает своё место и задачи, принцип действия. Они понимают: надо идти на площадь и требовать исполнения своих требований. Они настроены крайне агрессивно. Собравшись в огромную толпу, чувствуют не только силу, но и безнаказанность, поэтому готовы на крайние меры. А сторонники действующей власти нередко считают, что власть всемогуща и все проблемы в состоянии решить сама. Потому и не торопятся идти на площадь либо предпринимать еще какие-нибудь меры для защиты своей власти. В результате идти на площадь и активно противостоять сторонникам «оппозиции» практически некому, даже если за кандидата от власти отдано большинство голосов. Митинги в поддержку действующей власти проходят, но по численности значительно уступают «оппозиционным». Выгодно оппозиции то, что часть населения нейтральна по своей сути.

Обычно люди, голосующие за существующую власть, часто являются семейными и работающими. Им нужно содержать семью, они просто не имеют времени заниматься политикой и выходить на площадь. В отличие от них, студенты – основной костяк оппозиции – могут провести на площади несколько недель, а то и месяцев. В результате организованное агрессивное меньшинство побеждает. И к власти в стране приходит не тот, за кого голосовало большинство народа, а тот, кого поставили внешние силы руками агрессивного меньшинства.

* * *

Опытные разработчики «цветных» революций знают, что при проведении подобных мероприятий необходим индивидуальный подход к каждой стране. Рекомендуется избегать шаблонов и повторений. Шаблонность при разработке сценария, незнание механизмов запуска революции чреваты поражением всего мероприятия. Глубоко ошибаются те, кто думает, что механизмы запуска революций в Киеве и в Грузии, могут подойти к другим странам Европы и Америки. Тем, кто исследует революции, происходящие в СНГ, следует обратить внимание еще на один немаловажный факт. Эти революции совершаются в странах бывшего соцлагеря. Лидеры этих стран по складу характера хозяйственники, которые мало способны к интригам и компромиссам и поэтому проигрывают профессиональным политикам.

Дело совсем не в недостатке у этих лидеров опыта в дворцовых играх и закулисных интригах. Так, С. Милошевич самоотверженно сражался с НАТО в 1999 году, А. Абашидзе героически противостоял Шеварднадзе и Саакашвили, В. Янукович всеми силами пытался остановить «оранжевую» революцию. Лидеры-хозяйственники, способные руководить страной в тяжелейших экономических условиях, вытаскивать из кризиса экономику, часто проигрывают профессиональным политикам, сильным в митинговой стихии и потому собирающим большие народные массы.

Китай, Белоруссия и Венесуэла пока успешно противостоят бархатным революциям, поэтому потенциал для революционного взрыва там не растрочен. Однако, чем дольше

лидеры этих государств будут там править, тем вероятнее будет там революционный взрыв. Причем для России «бархатная» революция в Китае и Белоруссии будет даже более болезненной, чем украинская, Поскольку в этом случае Россия потеряет всех своих союзников, что будет означать крах всей внешнеполитической стратегии в постсоветское время.

1.3. Причины революции

Причины революции общеизвестны. Про них еще в начале XIX века писал Ленин: это кризис верхов, т. е. невозможность элиты управлять по-старому; кризис низов, т. е. нежелание народа жить по-старому и небывалый подъем революционной активности масс, ранее нейтральных и полностью безразличных к политике. Политический кризис, возникший в Венгрии в сентябре 2006 года, начался после обнародования местными СМИ аудиозаписи, в которой глава правительства Венгрии, г-н Дюрчань, признавался своим однопартийцам-социалистам в обмане избирателей и фальсификации экономической статистики перед апрельскими выборами, на которых социалистам удалось одержать победу. По его словам, правительство за последние годы «делало одни глупости», и выиграть апрельские выборы социалистам удалось только благодаря вранью, в которое «эти ослы поверили». Кстати, сам премьер, узнав о том, что пленка с его речью стала достоянием гласности, признал ее подлинность, однако в отставку уйти наотрез отказался. С тех пор оппозиция периодически устраивает акции протеста на улицах Будапешта: за это время в беспорядках были ранены около 150 полицейских и десятки манифестантов. Еще одним фактором революции является наличие оппозиционной партии, тесно связанной с народом и готовой возглавить революцию.

Все эти четыре фактора присутствовали во всех «цветных» революциях. В ходе их проведения налицо был кризис верхов и низов и небывалый ранее подъем политической активности масс, готовых к революционной борьбе.

Отдельно стоят социально-экономические факторы «цветных» революций. Многие политологи считают, что одним из детонаторов «оранжевой» революции является отсутствие и несформированность на Украине среднего класса. По свидетельству социологов, нормальное функционирование рыночной экономики и связанное с ним высокое качество жизни обеспечивает именно средний класс, который в развитых странах составляет 2/3 общества, а в некоторых, например, в Швеции, Норвегии, Нидерландах доходит до 75 %. Именно эта часть населения составляет базу социальной стабильности и устойчивого функционирования государственной политической системы. В результате, создается триединая взаимосвязанная структура: рыночная экономика – средний класс – государственная политическая система, которая, в свою очередь, гарантирует наилучшее развитие рыночной экономики, высокий уровень жизни граждан. Подобная модель исторически доказала свою надежность как с точки зрения социально-экономической эффективности, так и государственной устойчивости. Большая разница между богатыми и бедными, отсутствие среднего класса привело к социальной нестабильности и кризису политической системы на Украине.

Даже в более благополучной и стабильной Венгрии есть определенные и довольно существенные экономические проблемы, способные вызвать революционную ситуацию, в частности, очень крупный, выбивающийся за все еэсовские рамки, дефицит бюджета. Экономический рост довольно высок. Но, тем не менее, есть огромная безработица, есть определенные региональные различия. Допустим, восточные регионы Венгрии беднее, люди там не настолько хорошо и уверенно себя чувствуют. Но есть и политические причины – это давнее противостояние правых и левых сил, характерные для Венгрии. Здесь как бы соединилось все воедино. По статистическим данным, венгры вместе с литовцами делят первое место в Европе по количеству самоубийств и депрессий.

В Киргизии, например, безработица поразила все сферы экономики, потому что 70 % заводов не работают. За чертой бедности находятся более 80 % населения. Криминальная приватизация, падение уровня жизни – вот далеко не полный перечень кризиса низов в современном обществе, способных создать революционную ситуацию.

Каждая революция, не важно, «цветная» или «горячая», как правило, возникает на социально-экономической почве. Основной предпосылкой «революции» является кризисная экономическая и политическая ситуация в стране. Это базовая предпосылка для применения технологии «революции», которая никогда не произойдет там, где люди довольны своей жизнью, действующей властью и, в том числе, главой государства.

Поэтому момент проведения «бархатной» революции выбирается с таким расчетом, чтобы сконцентрировать эти акции именно в период проявления недовольства населения рядом экономических факторов. В это время революционеры концентрируют свои усилия на целенаправленном саботаже в тех важных сферах экономики, в которых за сравнительно короткий срок можно ожидать катастрофических последствий для всей экономики государства так в Чили такой жизненно-важной областью был транспорт, в Польше и СССР – добыча угля. Для саботажа экономики в этих странах были задействованы профсоюзные лидеры и подчиненные им профсоюзные организации.

Так, в 1980 г. в результате сокращения добычи угля в Польше прекратилась подача тока в металлургическую промышленность, приостановился экспорт в страны СЭВ нескольких миллионов тонн каменного угля. В этот период упало производство стали и чугуна, уменьшился выпуск проката и значительно сократился объем валовой продукции. Такая дестабилизация экономики привела к диспропорции в обеспечении населения всем необходимым, а следовательно, к росту недовольства.

Когда во время четвертой арабо-израильской войны, или войны Судного дня, израильские войска, прорвав фронт, перешли Суэцкий канал, рассекли египетскую армию на две группировки и окружили, израильский генштаб решал вопрос: брать Каир или нет? Однако израильтянам пришлось остановиться в основном под нажимом США и европейских стран. Дело в том, что арабы развили стремительное наступление на другом фронте – нефтяном. Выждав момент, ОПЕК объявила эмбарго на поставку нефти странам, поддерживающим Израиль. Запад был застигнут врасплох. Европа и США столкнулись с жесточайшим энергетическим кризисом. Взлетели цены на бензин и топливо. Потом стали дорожать товары и услуги. Рейтинг правительства упал до рекордно низкого уровня. Массовые демонстрации, забастовки поставили под угрозу стабильность и порядок в США и Европе. Запад был вынужден капитулировать, Израиль заставили отвести войска на прежние позиции. Энергетика оказалась тем слабым местом в структуре государств Европы и Америки, которым воспользовались арабские страны.

В то же время следует отметить, что, помимо активного вмешательства США и Запада во внутривнутриполитическую ситуацию на Украине, а также продажности многих украинских политиков, у украинской «оранжевой революции» была и объективная составляющая, без которой её вряд ли удалось бы осуществить. Этим объективным фактором явилось крайнее недовольство народа, своим нищенским положением и ненависть к правящему режиму президента Кучмы, погрязшему в коррупции и беззаконии. Организаторы «оранжевой революции» вовремя поняли это и направили весь гнев народа против Кучмы и В. Януковича, при этом скрывая, что так называемая ющенковская оппозиция является неотъемлемой частью правящего режима на Украине. Тимошенко, Ющенко вместе с Кучмой несут полную ответственность за разорение Украины в ходе бездумных реформ. В состав команды В. Ющенко входят два бывших премьера, два спикера, несколько вице-премьеров, десятков министров. Но у В. Ющенко есть преимущество перед Кучмой, он пользуется откровенной поддержкой Запада и США.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.